№ 620 П. Виноградовъ 1874

ІОМСБУРГЪ И ВИНЕТА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Т. Грановскаго.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

ІОМСБУРГЪ И ВИНЕТА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Т. Грановскаго.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1845.

Печатать дозволяется, по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Москва Генваря 31 дня, 1845 года.

Секретарь Совѣта Титулярный Совѣтъ. В. Спекторскій.

ВОЛИНЪ ІОМСБУРГЪ

И

ВИНЕТА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Со второй половины IX-го столѣтія начинается въ жизни Скандинавскихъ племенъ великій переломъ, кончившійся паденіемъ древняго языческаго быта. При крѣпости и неуступчивости сѣвернаго духа, переломъ этотъ не могъ совершиться скоро и безъ мучительныхъ потрясеній организма, въ которомъ онъ происходилъ. Предъ паденіемъ своимъ Одинизмъ еще вспыхнулъ яркимъ и грознымъ блескомъ и въ то самое время когда первые христіанскіе проповѣдники проникли въ лѣса и пустыни Скандинавскаго міра, у береговъ Западной Европы явились гости другаго рода, послѣдніе ратники и мстители вездѣ побѣжденнаго язычества, Норманскіе викинги. Но не одно Христіанство грозило разрушеніемъ древнему Скандинавскому быту: его колебали другія перемѣны и обновленія въ народной жизни. Въ X столѣтіи мелкія владѣнія (fylki), на которыя дотолѣ былъ разбитъ полуостровъ, стали слагаться въ три большія политическія массы. Переворотъ государственный совершался современно съ религіознымъ. Гаральдъ прекрасноволосый, истребитель самостоятельныхъ Норвежскихъ ярловъ и прежней вольности народа, совершилъ свое дѣло въ одно время и, можетъ быть, по примѣру Горма стараго въ Даніи и Эйриха Эймундарсона въ Швеціи. (1) Тогда Европейскія моря покрылись судами бездомныхъ витязей, которыхъ началь-

(1) Норманка Гида отвѣчала присланнымъ за ней посламъ молодаго Гаральда: «странно мнѣ, что въ Норвегіи не нашлось еще Конунга съ волею покорить Норвегію и властвовать надъ нею какъ Гормъ въ Даніи или Эйрихъ Упсальскій» Snorri Sturluson : Heimskringla, Haralds Saga, c 3.

ники большею частію принадлежали къ древней языческой аристократіи, ведшей свой родъ отъ Одина и другихъ Азовъ и вытѣсненной изъ прежняго положенія возникшимъ единодержавіемъ. Часть этихъ изгнанниковъ жила и погибла на морѣ въ мятежной участи викингства; другіе основали множество поселеній — *Норманій*, которыя стали пріютомъ для ихъ земляковъ, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Они перенесли на чуждую почву вѣру и обычай, отъ котораго отпадала ихъ родина и искуственно продлили ветхій сокрушавшійся въ ней бытъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи Норманскихъ поселеній былъ Іомсбургъ на Вендскомъ Поморьѣ.

Исторія Скандинавскаго Іомсбурга тѣсно связана съ Славянскимъ Волиномъ или Юмною. Ихъ рѣдко различаютъ лѣтописи, народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ, наконецъ наука, на этотъ разъ, согласная съ преданіемъ вскорѣ превзошла его смѣлостію своихъ построеній и создала изъ Норманской крѣпости и Вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость, рожденную въ ней безмѣрнымъ богатствомъ. Только въ нашъ недовѣрчивый вѣкъ удалось ученымъ изслѣдователямъ (2) разсѣять поэтическій полумракъ, въ которомъ скрывался этотъ эпизодъ сѣверной исторіи. Они разложили на составныя стихіи дошедшія до насъ свѣденія и поставили отдѣльно Волинъ, Іомсбургъ и баснословную Винету.

---

(2) Сюда, преимущественно, принадлежатъ: *Lindfors*, dissert. de civitate Jomensi. Lundæ, 1811. *Ведeля Симонсена* изслѣдованія о Іомсбургѣ, переведеннымъ съ Датскаго Гизебрехтомъ: Geschichtliche Untersuchungen über Jomsburg im Wendenlande. Neue Pommersche Provincialblätter. T. II. стр. 3—175. Критическія замѣчанія на эту статью П. Э. Мюллера, напечатанныя въ томъ же журналѣ. T. III. стр. 150—176. *C. Fr. von Rumohr*, Sammlung für kunst und historie. Hamburg, 1816. 1. 9—123. *Barthold*, Geschichte von Rügen und Pommern, Hamburg. T. 1—3. 1839—1843. *Giesebrecht*: Wendische Geschichten, 3 тома. Berlin, 1842—1843. Я ограничился указаніемъ на главныя сочиненія. Болѣе подробное исчисленіе литтературныхъ пособій можно найти въ упомянутой книгѣ Бартольда, Т. I. стр. 301.

1. ВОЛИНЪ.

«Sy wart geheissin Julin, nu nennet man sy wollyn.»

Ernesti de Kirchberg chronicon Meklenburgicum, ap. Westptalen mon. ined. T. IV. p. 597

Волинъ, Юлинъ, Юмна, Юмнета, Юмета и Юминъ, подъ этими именами является въ исторіи Славянскій городъ, котораго происхожденіе различно объясняется лѣтописцами средняго вѣка и позднѣйшими писателями. «Hasta» или «columna Julii» огромный столбъ съ ржавымъ копьемъ вверху, бывшій предметомъ народнаго поклоненія и самое названіе «Юлинъ» подало поводъ къ сказанію, что городъ былъ построенъ Юліемъ Цезаремъ. Сказаніе это разумѣется образовалось не въ народѣ, а принадлежитъ къ числу ученыхъ сказокъ, посредствомъ которыхъ монахи лѣтописцы любили связывать современную имъ исторію съ преданіями далекой, классической древности. Это былъ какой то самовольный и простодушный прагматизмъ, которому достаточно было небольшаго сходства звуковъ для соединенія самыхъ отдаленныхъ и несоединяемыхъ предметовъ. Кому неизвѣстны примѣры такого рода. (3) Приведенное извѣстіе встрѣчается первоначально только въ жизнеописаніяхъ (4)

---

(3) На пр. Волгастъ, въ Помераніи «apud *urbaniores* vocatur Julia Augusta, propter urbis conditorem Julium cæsarem.» Helmoldi chronicon Slavorum ex recens. Bangerti. Lübeck, 1702. L. 1. p. 93. Понятно, кого Гельмольдъ называетъ urbaniores. У Кадлубка Chron. Poloniæ. L. 1. c. 16 читаемъ о двухъ Польскихъ городахъ Julia (нынѣ Лебусъ) и Julinum (нынѣ Люблинъ), такъ названныхъ въ честь сестры Юлія Цезаря. Подобныхъ примѣровъ множество. Я привелъ ближайшіе къ предмету изслѣдованія.

(4) Изъ этихъ жизнеописаній, три первыя составлены вскорѣ послѣ смерти Св. Оттона, около половины XII вѣка, но они дошли къ намъ въ передѣлкахъ, принадлежащихъ позднѣйшему времени. Самая важная изъ этихъ компиляцій составлена въ концѣ XV-го вѣка Бамбергскимъ Аббатомъ Андреемъ. Клемпинъ доказалъ недавно возможность возстановить чистый текстъ первоначальныхъ источниковъ. См. die Biographien des Bischoff Otto und deren verfasser. Baltische Studien, T. IX. p. 1—245. Вотъ что говорится въ этихъ памятникахъ о Юлинѣ и его загадочномъ столбѣ: servus Dei Bernhardus correpta securi columnam miræ magnitudinis, Julio cæsari, a quo urbs Julin nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est.» Andreas, lib. II. ap. Ludewig, scriptt. rerr. Bambergensium. p. 462.—«Julin a Julio cæsare condita et nominata in qua etiam lancea ipsius miræ magnitudinis ob memoriam ejus infixa servabatur. Ibid. L. III, p 490. «Julin a Julio cæsare vocabulum trahens.» Anonymus Sancruciarius, Neue,

Св. Оттона Епископа Бамбергскаго, принесшаго Христіанство въ Поморье. Изъ этихъ источниковъ перешло оно въ другіе позднѣйшіе памятники. Но оно не знакомо Адаму Бременскому, Гельмольду и Саксону Грамматику.

Въ началѣ XVI вѣка (1518) знаменитый своимъ участіемъ въ реформаціи Іоаннъ Бугенгагенъ написалъ исторію Помераніи (5) книгу важную, не смотря на множество странностей и грубыхъ ошибокъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, ссылаясь на Тацита, что въ правленіе Августа, его полководецъ Домицій доходилъ до острова Волина, который въ то время носилъ имя Австравіи (Austravia) и поставилъ тамъ столбъ въ честь Юлія Цезаря. Толпы окрестныхъ жителей поселились впослѣдствіи около этаго обоготвореннаго ими, по невѣжеству, столба и основали городъ названный Юлиномъ отъ «columna» или «hasta Julii.»

Въ 1735 году Профессоръ Шварцъ издалъ свои изслѣдованія о Іомсбургѣ (6) и выставилъ новое мнѣніе, по которому Юлинъ обязанъ своимъ происхожденіемъ основанному на религіозномъ единствѣ союзу семи Суевскихъ племенъ, поклонявшихся Гертѣ. (7) Правдоподобнѣе и лучше предыдущихъ обставлена учеными свидѣтельствами гипотеза Веделя Симонсена. (8) Вотъ въ короткихъ словахъ его положенія.

Еще до пришествія Славянъ, частыя нападенія Скандинавскихъ пиратовъ побудили Германцевъ, жителей балтійскаго поморья, построить городокъ или небольшое укрѣпленіе у самаго устья Свины въ С. З. части острова Волина. Удобство мѣста откуда легко было слѣдить и предупреждать враждебныя покушенія, богатство рыбной ловли, наконецъ совершавшійся здѣсь весенній праздникъ въ честь Германо Скандинавскаго бога Юла-Солнца (9) рано привлекли многочисленное народонаселеніе. Праздникъ Юла, при которомъ происходила ярмарка, бывшая началомъ Юлинской торговли, сдѣлался причиною быстраго возрастанія города и сообщилъ ему имя Юлина. Столбъ съ водруженнымъ въ него копьемъ, подавшій поводъ жизнеописателямъ Св. Оттона къ такимъ страннымъ толкованіямъ, былъ ничто иное, какъ Юловъ идолъ. Пришедшіе впослѣдствіи Венды наслѣдовали покинутыя Германцами жилища и поклоненіе Юлу. При бо́льшей наклонности къ общественной жизни, они усилили значеніе Юлина и дали ему новое названіе: Іомъ, Юмъ, или Юмна, которое перешло потомъ на цѣлый островъ Волинъ. Ведель полагаетъ, что слова Іомъ или Юмъ въ связи съ Финскимъ, но, по его мнѣнію, Славян-

---

Pomm. Provincialblätt. T. IV. p. 334. Julinensibus venerabiliter reservata Julii Cæsaris lancea colebatur quam ita rubigo consumserat ut ipsa ferri materies nullis jam usibus esset profutura. Ibid. 335.

(5) Io. Bugenhagii Pomerania ex manuscripto edidit J. N. Balthasar. Gryphisw. 1728 4.

(6) A. S. Schwartz, comment. critic. historica de Joms Burgo Pomeraniæ. Gryphiæ, 1735.

(7) Тацитъ о Германцахъ с. 40.

(8) Geschichtliche Untersuchung über Jomsburg. N. P. Provincialbll. T. II. p. 9--60.

(9) Julin.... cujusdam idoli celebritatem initio æstatis maximo tripudio et concursu agere solebat. Andreas, l. III. ap. Ludew. 490.

скимъ божествомъ Юмалою. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ историческихъ событій Славянское имя города перешло къ Скандинавамъ, между тѣмъ какъ прежнее осталось въ употребленіи у Германцевъ. Въ VII столѣтіи Юлинъ былъ покоренъ Датчанами и «Toki provincia Jumensi ortus» участвовалъ въ битвѣ Бравальской (10). Въ концѣ VIII столѣтія, около 796, Юмна была совершенно разрушена Скандинавами по причинѣ возникшихъ въ ней междоусобій. Часть жителей переселилась въ Бирку въ Швеціи, остальная выстроила другой городъ также на островѣ Волинѣ на восточной сторонѣ его тамъ, гдѣ нынѣ Вольмерштетъ. Новая Юмна или Юлинъ скоро стала на ряду съ старою чрезъ богатство и промышленность жителей и не разъ подвергалась нападеніямъ сѣверныхъ грабителей. Въ X вѣкѣ она подпала подъ власть Гаральда Блаатанда Конунга Датскаго.

Всѣ вышеприведенныя мнѣнія весьма не крѣпки въ основахъ своихъ, не исключая даже послѣдняго. Нужно ли доказывать, что Цезарь не могъ быть строителемъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ и что объясненія Бугенгагена и его послѣдователей принадлежатъ къ числу тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыя разлетаются при первомъ прикосновеніи къ нимъ строгаго изслѣдователя? Тацитъ не говоритъ ни слова о томъ, что влагаетъ ему въ уста Померанскій историкъ. У Плинія встрѣчается дѣйствительно островъ Австравія, (11) но по всей вѣроятности этотъ островъ лежалъ на Нѣмецкомъ, а не Балтійскомъ морѣ, и къ берегамъ его приставалъ не Домицій а Германикъ. Этимъ ограничиваются извѣстія Плинія объ Австравіи, между которою и Волиномъ нѣтъ ничего общаго (12). Слѣдовательно, Бугенгагенъ смѣшалъ Тацита съ Плиніемъ и сочинилъ самъ остальные факты, связывающіе пришествіе Римскаго полководца съ началомъ Вендскаго города, которому онъ старался дать знатную генеалогію. Шварцъ не объяснилъ ничего: имя города, hasta Julii и проч. остались для него загадкой, ключемъ къ которой не могло служить поклоненіе Гертѣ. (13) Да и могъ ли быть у древнихъ Германцевъ, незнавшихъ городской жизни, городъ съ именемъ славно перешедшимъ въ исторію? Обширная начитанность Веделя Симонсена не спасла его отъ значительныхъ недосмотровъ и ошибокъ. Въ пользу его мнѣнія, что Юлинъ былъ основанъ Германцами за долго до пришествія Вендовъ въ Поморье нѣтъ ни однаго историческаго свидѣтельства. Придуманная имъ связь Юлина съ Юломъ болѣе чѣмъ сомнительна. П. Э. Мюллеръ одинъ изъ величайшихъ знатоковъ Скандинавской древности замѣтилъ Веделю, что настоящая, употребительная форма была Іолъ, а не Юлъ, и что окончаніе *in* почти не встрѣчается въ именахъ городовъ Скандинавскихъ, между тѣмъ какъ оно безпрестанно попадается у Славянъ вообще и у Поморянъ въ особенности напр. Каминъ, Деминъ, Стетинъ и т. д. (14).

---

(10) Saxo Grammaticus ed. Stephanius, p. 144.

(11) Historia natural. lib. 38.

(12) Cp. Schöning ueber der Griechen und Römer kenntniss von den nordischen Landen, у Шлёцера Allgemeine nordische Geschichte, p. 88.

(13) Самая богиня Герта и поклоненіе ей вопросъ очень темный. Ср. разборъ извѣстій о Гертѣ у Бартольда, Gesch. von Pom. und Rügen. I. 109—121.

(14) Mueller ueber Wedel Simonsen. N. P, Provinzialblätt. III. 150.

Ире въ словарѣ своемъ (15) утверждаетъ даже, что самое названіе Іола или Юла было чуждо языческому періоду. Славянское происхожденіе слова «Юмна» доказать довольно трудно. О Юмалѣ, котораго Ведель и Мюллеръ, по незнанію, присвоили Славянамъ, нечего и говорить, а другаго объясненія въ этомъ смыслѣ нѣтъ. Сверхъ того, какимъ образомъ Славянское названіе «Юмна» могло войти исключительно въ употребленіе у Скандинавовъ тогда какъ Нѣмецкіе лѣтописцы продолжали писать коренное Скандинавское Юлинъ (16). Покореніе Юлина Гаральдомъ Гильдетандомъ въ VII столѣтіи основано только на гипотезѣ Сума, которая въ свою очередь основана на прорѣхѣ въ Исландской рукописи Sögubrot. Сумъ замѣнилъ по догадкамъ то, чего не доставало въ текстѣ и Датчане явились ранними завоевателями Вендскаго поморья. (17) Конечно предположенія Сума подтверждаются словами Саксона грамматика о Токи и другихъ Славянахъ, участвовавшихъ въ Бравальской сѣчѣ, но извѣстно какъ Саксонъ смѣшивалъ событія и переносилъ новыя отношенія въ глубокую древность (18). Извѣстіе о междоусобіяхъ Юлинскихъ въ концѣ VIII вѣка и о разореніи города Шведскимъ конунгомъ Геродомъ и Датскимъ Геммингомъ взято Веделемъ изъ Вандаліи Кранца, писателя жившаго въ началѣ 16 вѣка, который не можетъ служить свидѣтелемъ для исторіи столь отдаленнаго отъ него времени и пустилъ въ ходъ, какъ увидимъ далѣе, не одну историческую басню.— Наконецъ переселеніе части жителей разрушеннаго Юлина въ Вольмерштетъ основано только на весьма шаткой этимологической догадкѣ, что Wolmerstædt есть сокращенное Wollinerstædt.

Остается сказать о томъ, что сдѣлали для рѣшенія спорнаго вопроса два новѣйшіе ученые: Бартольдъ и Гизебрехтъ. Мы постараемся изложить ихъ мнѣнія въ связи съ собственными разысканіями.

Острова, образуемые тремя истоками, которыми Одеръ входитъ въ Балтійское море по удобствамъ своимъ для жизни должны были рано обратить на себя вниманіе Поморскихъ Вендовъ. Одно изъ самыхъ выгодныхъ для поселенія мѣстъ представлялъ Юго-Восточный уголъ острова, лежащаго между Свиною и Дивеновымъ. На послѣднемъ рукавѣ Одера возникъ Славянскій городъ. Съ одной стороны жители могли здѣсь пользоваться всѣми выгодами, какія доставляетъ близкое море, съ другой мелкое и песчаное дно Дивенова (19) предохраняло ихъ отъ опасныхъ посѣщеній Скандинавскихъ судовъ. Древнѣйшее имя города, время основанія котораго опредѣлить даже приблизительно не возможно, по со-

---

(15) Glossarium Suevo-Gothicum.

(16) Но Датчанинъ Саксонъ пишетъ вездѣ «Юлинъ» а не Юмна, а въ нѣкоторыхъ, и какъ кажется, лучшихъ рукописяхъ Адама Бременскаго находится Юмна или Юминъ.

(17) Suhm, Danske Hist. 1. 498. Mueller ueber Wedel Simonsen, 153.

(18) См. превосходное изслѣдованіе о Саксонѣ Грамматикѣ у Дальмана. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, I. 150 и слѣд. Сказанное мною въ текстѣ относится только къ первымъ 8-ми книгамъ Саксоновой исторіи. Его разсказъ о современныхъ ему событіяхъ вѣренъ и точенъ.

(19) Въ XII-мъ вѣкѣ, Дивеновъ уже былъ недоступенъ для большихъ судовъ, какъ видно изъ разсказовъ Саксона о походахъ Вальдемара I-го.

вершенному отсутствію свидѣтельствъ, было Волинъ, то самое, которое онъ носитъ теперь. Откуда происходитъ оно? Отъ слова волъ, означая скотоводство, какъ промыслъ жителей (20) или отъ имени жившаго тутъ Вендскаго племени—трудно рѣшить. Лѣтописцу X вѣка Видукинду извѣстны были между Вендами «Slavi qui Vuloini dicuntur» (21), быть можетъ, тожественные съ Вилинами (Wilini) Гельмольда (22). Г. Касторскій (23) полагаетъ, что «Волинъ» могъ произойти отъ Волоса или Белеса, бога общаго всѣмъ Славянскимъ племенамъ. Познанскій Епископъ Богуфалъ (13 вѣка) называетъ Волинъ Валмегомъ (24), но это имя у него одного встрѣчаемое, едва ли не есть ошибка писца. Что Волинъ подъ перомъ лѣтописцевъ (urbaniores Гельмольда) могъ обратиться въ Латинское Jalinum, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кто сколько нибудь знакомъ съ Исторіографіею среднихъ вѣковъ. Близкій Волгастъ, въ имени котораго звучитъ тотъ же корень, испыталъ и не такое превращеніе изъ него вышла Julia Augusta. Wol и здѣсь перешло въ Jul. Вообще надобно замѣтить что корень вол. повторяется въ именахъ значительнаго числа урочищъ Вендскихъ, (25) не говоря уже о другихъ земляхъ Славянскихъ. Педантизму лѣтописцевъ не удалось вытѣснить даже изъ писменнаго употребленія народнаго имени города, перекрещеннаго имя въ Юлинъ. Въ одной изъ первыхъ грамотъ, относящихся къ христіанскому періоду Померанской исторіи уже читаемъ «Волинъ» и «Волгастъ» въ ихъ собственной, чистой формѣ. Этою грамотою основалъ Папа Инокентій II, въ 1140 году, Октября 14-го, Волинское Епископство. (26) Около ста лѣтъ спустя, Богуфалъ говорилъ о Юлинѣ, какъ о прежнемъ, болѣе неупотребительномъ названіи города *Julin dicebatur*. Въ XIV вѣкѣ, Славянское названіе получило перевѣсъ надъ Латинскимъ даже въ Литтературѣ, чему служатъ доказательствомъ взятыя мною въ эпиграфъ къ этой главѣ слова Эрнста фонъ Кирхберга, который писалъ свою Мекленбургскую Хронику около 1378 года: «sy wart geheisyin Julin,—nu nennet man sy Wollyn.» Избѣгая гипотезъ, неподкрѣпляемыхъ сильными доводами, мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о Юловомъ или Юліевомъ столбѣ. Очевидно, что это былъ кумиръ какого нибудь

---

(20) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen, 1. 296.

(21) Lib. III. c. 69.

(22) L. 1. c. 2. «Leubuzi et Wilini» Шафарикъ рѣшительно считаетъ Вулоиновъ или Вилиновъ за Волинцевъ. Slowanske Starozitnosti, 892.

(23) Начертаніе Славянской Миѳологіи. СП. 1841. стр. 177.

(24) Boguphali episcopi Poznaniensis chronicon Poloniæ ap. Sommersberg scriptt. rerum Silesiacarum. II, 24. «Walmieg quod alias Julin *dicebatur*.

(25) Barthold, 1. 296.

(26) «Venerabilis frater Alberte Episcope tuis justis postulationibus annuimus et commissam tibi Pomeranensem ecclesiam sub beati Petri et nostra protectione suscipimus et presentis scripti privilegio communimus. Statuentes ut in *civitate Wolinensè* in ecclesia beati Alberti episcopalis sedes perpetuis temporibus habeatur.... *civitatem ipsam Wolin*.... Castra hæc scilicet Dymmin, Treboses, Chork, *Wolgast* etc. Dreheri codex Pommeraniæ diplomaticus, nr. 1.

Славянскаго Божества. Но кто скажетъ какого именно? Гизебрехтъ, (27) основываясь на весеннемъ праздникѣ, который ежегодно совершался въ Волинѣ, полагаетъ что столбъ съ копьемъ былъ посвященъ Яровиту. Съ другой стороны, можно замѣтить что копье есть постоянная принадлежность Радегаста. Но все это не болѣе какъ догадки, которыя по свойству источниковъ едва ли могутъ быть возведены въ степень положительныхъ заключеній.

Какъ бы ни рѣшался споръ о происхожденіи слова Волинъ, самый фактъ существованія основаннаго задолго до историческихъ свидѣтельствъ объ немъ Славянскаго города, сообщившаго свое имя цѣлому острову, лежащему между Свиною и Дивеновымъ, не подлежитъ сомнѣнію. Въ X столѣтіи этотъ городъ былъ уже богатъ и велъ значительную торговлю, чему служатъ доказательствомъ Арабскія монеты (диргемы) въ очень большемъ количествѣ находимыя на островѣ, котораго онъ былъ главнымъ пунктомъ. Нынѣ неоспоримо доказано, что между берегами Балтійскаго моря и Могамеданскимъ востокомъ происходила очень дѣятельная торговля чрезъ посредство Хазаръ, Болгаръ и Славянъ Русскихъ (28). Эта торговля, которая шла до Скандинавіи, куда ее проводили Поморяне и преимущественно Волинцы, судя по сказаніямъ о ихъ богатствѣ и предпріимчивости, остановилась уже въ первой четверти XI-го столѣтія. По крайней мѣрѣ, всѣ найденные досель диргемы принадлежатъ только двумъ династіямъ: калифамъ Аббассидамъ и Саманидамъ Самаркандскимъ, и самые новѣйшіе изъ нихъ относятся къ первымъ десяти годамъ XI-го вѣка. А между тѣмъ, извѣстенъ обычай Могамеданскихъ Государей перечеканивать, по вступленіи на престолъ, монеты своихъ предшественниковъ, отъ чего происходитъ и рѣдкость древнихъ Арабскихъ денегъ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно съ полною достовѣрностію предположить сильную, для того времени, торговую дѣятельность города Волина, предшествовавшую построенію Іомсбурга въ его окрестностяхъ и Датскому владычеству надъ устьями Одера. Эти послѣднія событія внесли Волинъ въ бурное движеніе Скандинавской исторіи, откуда онъ вынесъ новый характеръ, чуждое ему имя и странныя преданія, противъ которыхъ доселѣ борется наука. Слѣдующіе отдѣлы этаго разсужденія содержатъ въ себѣ разсказъ о Іомсбургѣ, не надолго но грозно сверкнувшемъ надъ Вендскимъ Поморьемъ и разборъ извѣстій, которыми Исландскія Саги и фантазія Померанскихъ историковъ исказили истинныя преданія о старинѣ Волинской. Но возвратимся еще разъ къ Волину.

---

(27) Ueber die Religion der Wendischen Völker an der Ostsee. Baltische Studien, VI. 136.

(28) Bohlen, über den Wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den ostseeländern vorkommenden arabischen münzen, въ IV-мъ собраніи трудовъ Кенигсбергскаго Нѣмецкаго общества. 1836. стр. 3—56. Rassmusen, über den Handel des Morgenlandes mir Russland und Scandinavien im Mittelalter, перев. съ Датскаго въ N. Pomm. Provinzialbll. II. 366. Изслѣдованіе о торговыхъ путяхъ и сношеніяхъ Сѣв. Европы съ Могамеданскимъ востокомъ, въ теченіи трехъ первыхъ вѣковъ Гедшры, можетъ рѣшить много историческихъ загадокъ. Мы въ правѣ ожидать такихъ рѣшеній отъ Рускаго ученаго Г. Григорьева, который давно занимается этимъ предметомъ.

Около 1077 года, каноникъ Бременскій Адамъ написалъ исторію Гамбургскихъ эпископовъ, въ которой находятся драгоцѣнныя свѣдѣнія о землѣ Вендской. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что за Лутичами, которые иначе называются Вильцами, течетъ Одеръ, величайшая рѣка земли Славянской, при устьѣ которой въ Скиѳскія болота лежитъ благородный городъ Юмна (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: Юлинъ), знаменитое мѣсто сборища окрестныхъ варваровъ и Грековъ. Въ этомъ городѣ, о которомъ ходитъ великая, почти невѣроятная молва и самомъ большомъ изъ всѣхъ городовъ Европы, живутъ Славяне и другія племена Греческія и варварскія. Даже выходцамъ Саксонскимъ дано право жительства тамъ съ условіемъ не обнаруживать христіанскихъ вѣрованій. Всѣ жители погружены въ язычество; впрочемъ нѣтъ племени болѣе честнаго, кроткаго и гостепріимнаго. Этотъ городъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, и нѣтъ ничего рѣдкаго или пріятнаго, чего бы тамъ не было. Тамъ находится olla vulcani, которую жители называютъ Греческимъ огнемъ, и о которой упоминаетъ Солинъ. Тамъ является также тройственнаго свойства Нептунъ, ибо островъ омывается тремя морями, изъ которыхъ одно, говорятъ, совсѣмъ зеленое, другое бѣловато, третье свирѣпствуетъ въ безпрерывныхъ буряхъ и страшно волнуется. Изъ Юмны (или Юлина) гребныя суда ходятъ въ короткое время въ Demминъ, суда на парусахъ въ Прускую Земландію; также на западъ въ Шлезвигъ и Алденбургъ, а въ противоположномъ направленіи они доходили въ 14 (43) дней отъ Юмны до Острогарда въ Россіи. Сухимъ путемъ можно въ 8 дней достигнуть до Гамбурга или до Эльбы (29). Это важное свидѣтельство перешло съ большими или меньшими искаженіями въ другіе историческіе памятники и подало поводъ къ безчисленному множеству толкованій и выводовъ. Мы разберемъ его подробнѣе. Главные вопросы, возникающіе изъ словъ Адама, суть слѣдующіе: 1. Гдѣ находился знаменитый городъ Юмна, величайшій въ цѣлой Европѣ, о которомъ не упоминаетъ однако ни одинъ отъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ до Бременскаго каноника? 2. кого онъ называетъ Греками? 3. Что такое olla vulcani, тройственнаго свойства Нептунъ и т. д.

1, Гизебрехтъ, которому, кромѣ исторіи Вендовъ, мы обязаны очень дѣльными изслѣдованіями о географическихъ извѣстіяхъ Адама Бременскаго (30), полагаетъ, что Юмна лежала у устья рѣки Свины, и что, слѣдовательно, Юмна и Волинъ два разные города (31). Онъ опирается на слѣдующіе доводы: торговля и судоходство Юмны предполагаютъ удобную гавань, которой существованіе на Дивеновѣ близъ Волина невозможно по мелководію, между тѣмъ какъ устье Свины совершенно соотвѣтствуетъ такому назначенію (32). Св. Оттонъ посѣтилъ Юлинъ въ 1124

---

(29) Adam. Brem. II 66. Ниже будетъ приведено все это мѣсто Адамовой лѣтописи въ подлинникѣ.

(30) Ueber die nordlandskunde des Adam von Bremen, in den hist. litter. Abhandll. der K. D. Gesellschaft zu Konigsberg III Sammlung.

(31) Wendische Geschichten, I. 27—29 III. 366. Cp. Ueber die Norlandskunde des Adam von Bremen p. 169—174.

(32) Wend. Gescht. I. 27.

году, а Юмна, по свидѣтельству Гельмольда, была разрушена Датчанами до, или покрайней мѣрѣ, около 1120 (33). Наконецъ, Саксонъ и нѣкоторые другіе лѣтописцы смѣшали, по незнанію, Юмну съ менѣе значительнымъ Волиномъ, и подали примѣръ неосновательнымъ толкамъ позднѣйшихъ историковъ (34). Такія предположенія рѣшительно противорѣчатъ указаніямъ источниковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ неоспоримое тожество городовъ Волина и Юмны. Что русло Дивенова было песчано и мелководно, преимущественно близъ моря, это намъ извѣстно; но извѣстны также и выгоды, которыя сопряжены были съ положеніемъ Волина на этомъ рукавѣ Одера. Эти выгоды исчислены выше. Съ другой стороны, море было такъ близко, что доставка товаровъ съ судовъ была весьма незатруднительна. Отъ устья Свины до города Волина не болѣе трехъ Нѣмецкихъ миль. Впрочемъ выгрузка товаровъ могла совершаться и въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что торговля Волина имѣла только относительную важность, и вовсе не предполагаетъ необходимымъ условіемъ близость большой гавани. Болѣе значительные торговые города средняго вѣка, Гамбургъ, Любекъ лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своихъ гаваней. Гребныя суда могли ходить и по Дивенову (35). Свидѣтельство Гельмольда очень подозрительно. Весь разсказъ этаго лѣтописца о Юмнетѣ-Юмнѣ (Виннетѣ) цѣликомъ взятъ изъ Адама; вставлено только одно мѣсто, на которое ссылается Гизебрехтъ. Доказательства предъ глазами: Adam (c. 66). In cujus ostio, qua scythicas alluit paludes, nobilissima civitas Jumne (al. Julinum) celeberrimam barbaris et Græcis, qui in circuitu, præstat stationem. De cujus præconio urbis, quia magna quædam et vix credibilia recitantur, volupe arbitror pauca inserere digna relatu.

Helmold (I. 2.) In cujus ostio, qua Balticum alluit pelagus (въ предыдущей главѣ, Гельмольдъ говоритъ о Балтійскомъ морѣ: idemque mare barbarum, seu pelagus *scythicum*) *quondam* fuit nobilissima Vinneta (правильнѣе Jumneta), præstans celeberrimam stationem barbaris et Græcis, qui sunt in circuitu. De cujus præconio urbis, quia magna quaedam et vix credibilia recitantur, libet aliqua commemorare digna relatu

Ad. ibid. Est sane maxima omnium, quas Europa claudit, civitatum, quam incolunt Slavi cum aliis gentibus Grœcis et barbaris. Nam et advenæ Saxones parem cohabitandi legem acceperunt si tamen Christianitatis titulum ibi morantes non publicaverint. Omnes enim adhuc paganicis ritibus oberrant, ceterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inveniri.

Helm. l. c. *Fuit* sane maxima omnium, quas Europa claudit civitatum, quam *incolunt* (безсмыслица: fuit.... quam incolunt) Slavi cum aliis gentibus permixtis, Græcis et barbaris. Nam et advenæ Saxones parem cohabitandi

---

(33) Ibed. II. 214. III 376.

(34) Ibid. III. 366—368, 385.

(35) Interea rex, Rugianorum classe auctus perque ostia amnis Zwinœ Pomeraniam ingressus, Julini oppidi, ipso intacto, confinia populatur. Deinde ad fluvium Julino Caminoque junctum... ostiis bipertitum, Regia classe progreditur. Saxo Gram. p. 333. Cp. стр. 347.

licentiam acceperunt, si tantum Christianitatis titulum ibi commorantes non publicassent. Omnes enim *usque ad excidium ejusdem urbis* paganicis ritibus oberrarunt. Cæterum moribus et hospitalitate, nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri.

Ad. l. c. Urbs illa, mercibus omnium septentrionalium nationum locuples nihil non habet jucundi aut rari. Ibi est olla vulcani, quod incolæ Græcum vocant ignem, de quo etiam menimit Solinus.

Helm. l. c. Civitas illa, mercibus omnium nationum locuples, nihil non habuit jucundi aut rari. Извѣстіе объ olla vulcani Гельмольдъ выпустилъ. Онъ или не понялъ этаго мѣста или, что вѣроятнѣе, не нашелъ его въ бывшей у него рукописи. За то онъ вставилъ нѣсколько строкъ недостающихъ у Адама: Hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus *funditus evertisse refertur.* Præsto sunt adhuc antiquæ illius civitatis monumenta

Adam. l. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ: tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum unum viridissimæ ajunt speciei; alterum subalbidæ. Tertius vero motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus.

Helm. l, c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ. Tribus enim fretibus alluitur illa insula, quorum ajunt unum viridissimæ esse speciei, alterum subalbidæ. Tertius motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus (36).

---

(36) Не одинъ Гельмольдъ списалъ разсказъ Адама о чудесахъ Юмны. Это было сдѣлано еще прежде безъименнымъ Саксонскимъ лѣтописцемъ. Annalista Saxo Eccardi corpus historicum medii aevi T I. p 339. Другіе хронисты пользовались большею частію Гельмольдомъ, котораго искаженныя слова легли въ основаніи всѣхъ басенъ о Волинѣ. Исторію этихъ басенъ я разскажу въ третьемъ отдѣленіи моего разсужденія. Здѣсь укажу на одинъ только примѣръ такого искаженія Адамовыхъ и Гельмольдовыхъ извѣстій. Г. Профессоръ Морошкинъ приводитъ въ доказательство важности города Юмны свидѣтельство двухъ компиляторовъ новаго времени Сев. Мунстера и Давида Хитрея, Критико-историческія изслѣдованія о Русахъ и Славянахъ, стр. 52. Почтенный изслѣдователь, къ трудамъ котораго нельзя не питать уваженія, не замѣтилъ, что приведенные имъ писатели перифразировали Адама, вставляя сверхъ того самовольно извѣстія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ источникѣ. Профессоръ Морошкинъ переводитъ изъ космографіи Мунстера слѣдующее мѣсто: Славянскій городъ Юлинъ на Балтійскомъ морѣ не уступаетъ ни одному городу своею знаменитостію, славный по своимъ богатствамъ и зданіямъ, благородное торжище Вандаловъ; *нѣтъ города подобнаго ему, исключая Константинополя. Тамъ Руссы, Датчане, Сербы, Саксонцы и Вандалы имѣли свои улицы и базары.* Юлинъ много потерпѣлъ отъ Датчанъ. Вольдемаръ, король Датскій, чрезъ полководца Свена, сжегъ его и опустошилъ.» Читатели легко замѣтятъ, что принадлежитъ Адаму Бременскому, и что прибавили отъ себя изобрѣтательные компиляторы XVI и XVII вѣка. Разсказъ Хитрея также не безъ украшеній. Онъ говоритъ: *Портъ Юлина былъ первый послѣ Константинопольскаго!* Въ Юлинѣ не одно племя а многіе народы, языки, вѣры и торговли. Виниты, Винны, Генеты, Свеоны, Славы, Вандалы, Датчане, Шведы, Камбривіи, Цирципане, Іудеи, язычники, Рутены Греческой вѣры и многіе другіе. Всѣ сіи народы получали охранныя грамоты (salvus dabatur conductus), и каждый народъ имѣлъ свои базары, носившіе особенныя имена.... смѣшеніе

Изъ нѣсколькихъ строкъ, прибавленныхъ Гельмольдомъ къ разсказу Адама, рѣшительно невозможно вывести никакого заключенія. *Qvidam rex Danorum, refertur*, наконецъ совершенное отсутствіе хронологическаго опредѣленія даютъ полное право предположить, что Бозовскій лѣтописецъ основалъ это извѣстіе на какихъ нибудь неясно дошедшихъ до него слухахъ о войнахъ Датчанъ съ Волиномъ. Развалинъ «antiquæ illius civitatis» онъ, разумѣется, невидалъ, а говоритъ объ нихъ также по наслышкѣ, что ясно слѣдуетъ изъ предыдущаго. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ часто повторялись Датскія нападенія на Волинъ; Гельмольдъ, вѣроятно разумѣетъ походъ короля Нильса (Николая), который дѣйствительно ходилъ войною на Поморье и взялъ около 1120 года Волинъ. Но ни Датская исторія Саксона Граматика, ни Книтлинга-Сага не говорятъ о разореніи имъ этаго города, хотя сообщаютъ другія, менѣе важныя подробности похода. Умолчать же о такомъ событіи они рѣшительно не могли, особливо Саксонъ, который вскорѣ потомъ опять упоминаетъ о Волинѣ, но на этотъ разъ уже не смѣшивая его, по мнѣнію автора Вендской исторіи, съ Юмною (37). Толкованіе совершенно самовольное! Слова лѣтописца: «inde (Nicolaus rex) Julinum navigans Bogislavum (Польскій Болеславъ) magna manu instructum obvium habuit. Cujus copiis auctus celerem oppidi expugnationem peregit» (38) вовсе не даютъ права предположить совершенное разореніе Юмны-Волина. А что часть города сгорѣла или была разрушена при этомъ случаѣ, это видно изъ разсказовъ Саксона о войнахъ съ Вендами Вальдемара I. Около 50 лѣтъ послѣ Нильсова нашествія, Вальдемаръ разрушилъ дѣйствительно вновь обстроенный Волинъ: Julinique vacuas defensoribus ædes incendio adortus *rehabitatæ urbis novitatem iterata penatium strage* consumpsit (39). Большая часть жителей удалилась тогда въ Каминъ, куда перенесено было также мѣстопребываніе Эпископа земли Померанской. Слава и значеніе Волина минули невозвратно; онъ сошелъ на ту степень, которую занимаетъ доселѣ. Напечатанныя курсивомъ слова намекаютъ очевидно на происшествія Нильсова похода, потому что въ промежуткѣ 1120—1176 Волинъ не былъ ни разу взятъ врагами, хотя суда Вальдемара съ крайнею для себя опасностью заходили изъ Свины въ Дивеновъ еще въ 1169 году (40). Слѣдовательно догадка Гизебрех-

---

идолопоклонства произвело развратъ народовъ и *тиранію* и причинило гибель цвѣтущему городу Юлину Сперва онъ былъ наказанъ небесной молніею, что побудило Рутеновъ переселиться въ свое отечество и съ своими товарищами искать иныхъ жилищь въ Россіи, гдѣ они и основали княжество Волынское (ducatum Wulinenzem) существующее до сего дня.» Все это сказаніе о Волыни основано кажется на простомъ созвучіи именъ Волынь и Волинъ. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ слова которое бы оправдывало эту выдумку. Во всякомъ случаѣ Хитрей очень не надежный проводникъ въ средніе вѣка. Еще одно замѣчаніе, относящееся къ изслѣдованіямъ профессора Морошкина: на страницѣ 32-й сказано «городъ Волинъ что нынѣ Вольгасть.» Это старое нынѣ никѣмъ не поддерживаемое мнѣніе.

(37) Wend. Gesch. II. 214.

(38) Saxo Gram. p. 235.

(39) Saxo, p. 347.

(40) Id. p. 333—35. Knytlinga—Saga, c. 124.

та, что Саксонъ въ первыхъ книгахъ Датской исторіи подъ именемъ Юлина разумѣетъ Юмну Адама Бременскаго, а въ 14-й говоритъ о настоящемъ Волинѣ, оказывается неосновательною. Въ томъ, что въ жизнеописаніяхъ Св. Оттона не упоминается о Юмнѣ, нѣтъ ничего удивительнаго: составители этихъ памятниковъ употребляютъ вездѣ латинизированное ими Славянское имя города, котораго Скандинавское названіе могло имъ даже быть неизвѣстно. Молчаніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи пояснить для насъ загадочныя извѣстія Гельмольда, который, вообще, можетъ служить неопровержимымъ источникомъ только относительно Рюгена и тѣхъ частей земли Вендской, которыхъ коснулись походы Генриха Льва. О прочихъ онъ или повторяетъ то, что прежде его говорилъ Адамъ Бременскій, или разсказываетъ по дошедшимъ до него болѣе или менѣе вѣрнымъ слухамъ. Намъ остается теперь разсмотрѣть, въ какой степени справедливо утвержденіе Гизебрехта, что лѣтописцы смѣшивали, по незнанію, Волинъ съ Юмною, принимая два города за одинъ.

Главныя извѣстія о Юмнѣ находятся у Адама Бременскаго, лѣтописца правдиваго, но невольно запутавшаго занимающій насъ вопросъ. Въ существующихъ изданіяхъ его исторіи имена Юлинъ и Юмна встрѣчаются равно, но относятся оба къ одному и тому же городу. Гизебрехтъ предполагая порчу текста, читаетъ вездѣ Юмна. Гораздо правдоподобнѣе, что Адамъ употребляетъ безразлично оба названія, изъ которыхъ одно дошло къ нему черезъ Саксовъ и видѣнныхъ имъ Славянъ, другое слышано имъ изъ устъ Датскаго короля Свейна Астридзона(41), которому Бременскій каноникъ обязанъ своими свѣденіями о Скандинавіи и, вѣроятно, о тѣхъ частяхъ Поморья, гдѣ лежала Юмна. Сличеніе уцѣлевшихъ рукописей для новаго изданія, которое войдетъ въ составъ Перцовыхъ «Monumenta» и поручено Лаппенбергу, не можетъ доказать противнаго, потому что всѣ эти рукописи, сколько извѣстно, не старѣе XIII вѣка. Въ одномъ изъ списковъ, которыми пользовался Лангебекъ, постоянно употребляется «Юмне» (42). Быть можетъ, есть другіе такіе же, но эти списки, сдѣланные на Скандинавскомъ полуостровѣ, не могутъ служить основою для возстановленія подлиннаго текста. Скандинавскіе переписчики, естественнымъ образомъ, вставляли вездѣ для однообразія имя, подъ которымъ Волинъ долго былъ извѣстенъ въ ихъ отечествѣ, между тѣмъ какъ въ Нѣмецкихъ спискахъ столь же часто встрѣчается Славянское, болѣе знакомое Саксамъ, названіе. Во всякомъ случаѣ не трудно доказать, что Адамъ разумѣлъ подъ Юмною тотъ же городъ, который у Саксона Грамматика называется Julinum, у Свейна Аказона Hynnisburg, въ Исландскихъ сагахъ Jomsborg. Источники, изъ которыхъ черпалъ Адамъ, намъ почти всѣ извѣстны. Событія Вендо-Скандинавской исторіи переданы имъ большею частію со словъ Свейна Астридзона, правнука Гаральда Блаатанда. Смерть послѣдняго разсказана слѣдующимъ образомъ: разбитый сыномъ Гаральдъ «vulneratus ex acie fugiens, ascensa navi elapsus est ad civitatem Slavorum

---

(41) Ad, Br. ed Lindenbr p. 32, 52, 59, 92. Адамъ говоритъ о Свейнѣ: qui omnes barbarorum res gestas, ac si scripta essent, memoria tenuit.

(42) Scriptores rerum Danicarum medii ævi, I. p. 51 примѣчаніе h.

quæ Jumne (al. Julinum) dicitur (43). Саксонъ, около 130 лѣтъ позже описывая, по народнымъ преданіямъ, туже самую борьбу, говоритъ о побѣжденномъ Гаральдѣ: saucius a suis Julinum relatus, celerem vitæ exitum habuit (44). Но по Исландскимъ преданіямъ Гаральдъ умеръ отъ раны своей въ Іомсбургѣ, (45) а Іомсбургъ у Саксона вездѣ называется Юлиномъ. Что Hynnisburg Свейна Аказона есть ничто иное, какъ искаженная форма Іомсбурга, въ этомъ согласны всѣ, не исключая Гизебрехта. Между тѣмъ разсказъ о Іомсбургѣ Свейна, современника Вальдемара и подобно Саксону писавшаго по порученію Эпископа Авессалона, оканчивается извѣстіемъ, что этотъ городъ былъ разрушенъ въ его время (46). Наконецъ Книтлинга-сага, памятникъ, возникшій во второй половинѣ XIII столѣтія, называетъ прямо Іомсбургомъ городъ Волинъ на Дивеновѣ (47). Всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ противорѣчитъ Гизебрехтъ, утверждая, что Саксона и Свейна ввелъ въ заблужденіе Лундскій Архіепископъ Авессалонъ, герой Вендской войны, съ разсказовъ котораго они писали (48). Книтлинга-Сага только повторила укоренившуюся историческую ложь (49). Но дѣдъ Авессалона, Скіальмъ бѣлый, дѣятельно участвовалъ въ нападеніяхъ на Юмну Эриха Эйегода, (50) и образованный, умный внукъ его не могъ впасть въ грубую ошибку, которую ему приписываютъ, потому что земля Вендская ему была хорошо знакома изъ семейныхъ преданій и собственныхъ походовъ. Въ свидѣтельствахъ лѣтописцовъ есть конечно ошибка, но вовсе не та, въ какой ихъ обвиняетъ Гизебрехтъ. Они смѣшали не два различные города, а Славянскій городъ и близкую отъ него Норманскую крѣпость, которыхъ судьба была впрочемъ такъ тѣсно связана, что смѣшеніе именъ понятно и извинительно Этотъ вопросъ былъ почти рѣшенъ Бартольдомъ (51) еще до появленія «Вендской Исторіи.» Адамъ руководствуясь сѣверными сказаніями, назвалъ городъ именемъ памятной грозою своихъ подвиговъ Скандинавской колоніи, которой слѣды и вліяніе уцѣлѣли въ Волинѣ. Саксонъ поступилъ на оборотъ: онъ перенесъ названіе славнаго въ его время торговаго и разбойничьяго города на крѣпость уже давно разрушенную. Оба были правы предъ современнымъ употребленіемъ

---

(43) Adam. 70.
(44) Saxo, p. 186.
(45) См. Fragmentum historiæ Daniæ Islandicum ap Langebek, II. 149 Haraldus rex Saucius in Vindlandiam fugit et prope *Iomsborgum* festo omnium Sanctorum expiravit. Сочинитель пользовался Адамомъ, потому что ссылается на historiam Hamburgensem ib. 146. Другой Исландецъ современникъ Валдемара II-го говоритъ: Haraldus rex saucius factus in Vandaliam *Iomsburgum* fugit ubi omnium Sanctorum festo mortuus est. Langebek II. 425.
(46) Haraldus.. primus urbem fundasse dicitur quæ Hynisburg nuncupatur, cujus mœnia ab Archipræsule Absalone ego Sueno solo conspexi æquari. Langebek I. 51.
(47) Knytlinga Saga c. 24.
(48) Wend. Gesch. III. 366.
(49) Ibid. III, 383.
(50) Ibid. II, 156.
(51) Gesch. von Rügen und Pommern, I 393 и слѣд.

слова. Названіе Іомъ (52) или Юмъ (отсюда Юмна) возникшее и прошедшее вмѣстѣ съ Датскимъ владычествомъ на Поморьѣ равно относилось къ цѣлому острову и къ главному его мѣсту, также какъ Славянское «Волинъ.» Имя крѣпости объясняется положеніемъ: Ioms-borg. Гиперболическія слова: maxima omnium quœ Europa claudit civitatum, не должны возбуждать недовѣрчивости читателей къ Бременскому лѣтописцу. Въ этомъ отношеніи, честь его нашла усерднаго и счастливаго заступника въ Гизебрехтѣ (53), который указываетъ на другихъ писателей средняго вѣка, принимавшихъ Европу въ другомъ смыслѣ, нежели мы. Они, по примѣру Географа Равенскаго, понимали подъ Европою міръ языческій въ противоположность міру христіанскому (54).

2 Вопросъ о Грекахъ, жившихъ въ Волинѣ, рѣшаетъ самъ лѣтописецъ въ слѣдующей же главѣ, называя Кіевъ однимъ изъ важнѣшихъ городовъ Греціи. Его Греки суть Русскіе Славяне, принадлежащіе къ Греческой церкви.

3. Темныя выраженія «ibi est olla vulcani quod incolæ Græcum vocant ignem, de quo etiam meminit Solinus,» вызвали множество толкованій, въ томъ числѣ нѣсколько отдѣльныхъ разсужденій, болѣе запутавшихъ чѣмъ уяснившихъ дѣло потому именно, что они придали ему слишкомъ много важности. Гизебрехтъ, между прочимъ, выставилъ двѣ, одна другой противорѣчащія, гипотезы. Въ особливомъ изслѣдованіи «о Вулкановомъ горшкѣ въ Юлинѣ» (55) онъ доказывалъ, что въ основаніи всего спора лежитъ простая ошибка Адама, который припоминая слышанное имъ отъ Свейна Астридзона объ Исландіи, смѣшалъ этотъ островъ съ Волиномъ, ему также мало знакомымъ. По этому говоря объ Исландіи, онъ не упоминаетъ о тамошнихъ Вулканахъ, которые перенесены имъ на Вендскій берегъ. Подъ словами olla vulcani, которыя въ нѣкоторыхъ памятникахъ средняго времени означаютъ чистилище, разумѣетъ Адамъ Геклу или другую огнедышащую гору. Гораздо правдоподобнѣе изложенное авторомъ «Вендской Исторіи» второе предположеніе (56), по которому текстъ Адама испорченъ невѣжественными писцами. Они вставили въ него примѣчанія древняго, почти современнаго лѣтописцу Схоліаста и самовольно измѣнили порядокъ, въ какомъ одно извѣстіе слѣдо-

---

(52) Происхожденіе слова неизвѣстно, Я не считаю нужнымъ вычислять всѣ удачныя и неудачныя попытки объяснить его. Вотъ новѣйшее предположеніе Петерсена: Iom отъ Мезоготѳскаго hiuhmas, hiuma, fem. jumja т. е. толпа и земля вообще. Отсюда Исландск. heimr, Англ. home. Die Züge der Dänen nach Wenden, Mémoires de la Société R. des antiquaires du Nord. 1836-37. p. 123. Исландскія Саги принимаютъ Іомъ въ смыслѣ земли, поэзія Скальдовъ въ смыслѣ города.

(53) Wend. Gesch. I. 28.

(54) Chronogr Saxo 991. Annales Sangalenses majores ad an. 995, etc.

(55) Von den Topfen Vulkanus in Julin, Hakens Pomm. Prov. Bl. IV. 151.

(56 Ueber die nordlandskunde des Adam von Bremen. 169—74. Ср. того же автора zur Beurtheilung Adams von Bremen. Baltische Studien, VI. 188—204 Разборъ Гизебрехтовыхъ гипотезъ написалъ Лаппенбергъ: von den Quellen, Handshriften und Bearbeitungen des Adam von Bremen Archiv der Gesellschaft für æltere Deutsche Geschichte VI, p. 766 sqq.

вало за другимъ. Такимъ образомъ описаніе Исландскихъ примѣчательностей очутилось въ главѣ о Юмнѣ. Сюда-же принадлежитъ и triplicis naturœ Neptunus. За вѣрность этой догадки мы не ручаемся, но она возможна, хотя съ другой стороны olla vulcani, быть можетъ, ничто иное, какъ риторическая фигура, которой простой смыслъ для насъ потерянъ. Полигисторъ Солинъ, на котораго ссылается Адамъ, не говоритъ, разумѣется, ни объ olla vulcani, ни о Греческомъ огнѣ, изобрѣтеніи позднѣйшаго времени, но онъ описываетъ въ 5 и 6 главахъ своей компиляціи особенности Сициліи и Вулканическихъ острововъ вообще.

Остановимся на этой точкѣ. Положительный выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія заключается, слѣдовательно, во неподлежащемъ сомнѣнію существованіи Вендскаго города Волина на Дивеновѣ, котораго жители вели значительную по времени торговлю. Въ X столѣтіи, переворотъ, совершавшійся на Скандинавскомъ полуостровѣ, обнаружилъ вліяніе и на Вендское Поморье. Сынъ стараго Горма, Гаральдъ Блаатандъ «armis Slavia potitus apud Julinum, nobilissimum illius provinciæ oppidum, competentia militum præsidia collocavit (57).» Таково было начало Іомсбурга.

---

(57) Saxo, p. 182.

II. ІОМСБУРГЪ.

Каждое лѣто ходили они на разныя земли и собрали много славы.

Іомсбургская Сага, гл. 8.

Когда именно Гаральдъ Блаатандъ построилъ у устьевъ Свины крѣпость, которой исторія составляетъ содержаніе этого отдѣла моихъ изслѣдованій, сказать трудно. Гизебрехтъ полагаетъ, на основаніи довольно вѣрныхъ соображеній начало Іомсбурга въ промежуткѣ 935 — 966 годовъ (58). Оставляя въ сторонѣ хронологическій вопросъ, котораго удачное рѣшеніе, предположивъ его возможность, едвали вознаградитъ за трудное изслѣдованіе, приступаю къ самой исторіи Іомсбурга. Источники этой исторіи двоякіе: съ одной стороны разсказы Саксона, писавшаго съ изустныхъ преданій, сохранившихся въ южныхъ областяхъ Даніи, съ другой, Исландскія саги, въ основаніи которыхъ лежатъ свидѣтельства принесенныя на далекій островъ современниками Іомсбургской славы. Слова Саксона часто противорѣчатъ Іомсбургской сагѣ. У него есть многое, чего нѣтъ въ послѣдней и на оборотъ. Причины такого разногласія раскрыты Гизебрехтомъ съ большимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла. Это едвали не лучшая часть его сочиненія. Онъ прослѣдилъ все движеніе саги отъ первыхъ извѣстій принесенныхъ въ Исландію скальдами Ярла Гаральда и Іомсвикингомъ Біорномъ до послѣдней писменной редакціи въ XIII столѣтіи (59). Благодаря его трудамъ, у насъ есть Аріаднина нить и мы съ меньшею противъ прежняго опасностію пускаемся нынѣ въ лабиринтъ мутныхъ, одно другому противорѣчащихъ извѣстій. Строго разобранная, очищенная отъ чуждыхъ ей примѣсей Іомсбургская сага, въ смыслѣ частнаго источника, конечно утратила много изъ прежняго своего значенія. Но въ цѣлой Исландской литтературѣ найдется немного памятниковъ, въ которыхъ общій бытъ Скандинавскаго викингства переданъ съ такою вѣрностію и силою. Я буду говорить собственными словами саги, тамъ гдѣ ея показанія оправданы критикою и свидѣтельствами другихъ болѣе сухихъ, но положительныхъ источниковъ.

---

(58) Wend. Geschicht. 1. 206.

(59) Іомсбургская сага, въ первобытной формѣ своей, разсказываетъ о подвигахъ Сигвальди и его товарищей до Гіорунгской битвы. Пальнатоки ей неизвѣстенъ. Впослѣдствіи сага о Пальнатоки вошла въ составъ Іомсбургской и исказила ее, преимущественно въ хронологическомъ отношеніи. Wendische Geschichten III. 376—78, 386—88. Въ послѣдней, испорченной формѣ дошла къ намъ Іомсб. Сага. Есть нѣсколько редакцій, но онѣ отличаются одна отъ другой только болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ однихъ и тѣхъ-же событій. Существеннаго различія нѣтъ. Я пользовался Нѣмецкимъ переводомъ Гизебрехта: Geschichte der Freibeuter von Jom. N. Pomm. Provinzialbll. 1. 90—130. Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ редакцій это, кажется, древнѣйшая.

По всей вѣроятности, первый славный вождь Іомсбургскихъ викинговъ былъ Сигвальди, съ острова Зеландіи (60). Его посадилъ на это мѣсто, сколько извѣстно, не Гаральдъ, занятый Датскими смутами. Этѣ смуты доставили Іомсбургу почти полную независимость отъ роднаго края. Самые крѣпкіе приверженцы старины языческой, на которую поднялъ руку Датскій конунгъ, собрались около Сигвальда: его родной братъ Торкель, Буй и Сигурдъ, сыны ярла Борнгольмскаго, Вагнъ сынъ ярла Фюненскаго. Сага приписываетъ имъ много чудныхъ дѣлъ, но извѣстія ея мутны. Изъ нихъ видно только, что Іомсвикинги держали въ покорности островъ Волинъ или землю Іомъ, что они грабили остальное Поморье, нерѣдко подымали оружіе на собственную родину, въ судьбахъ которой не переставали принимать участіе и вели дружбу съ Вендскимъ царемъ Буриславомъ (61). Сигвальди былъ женатъ на дочери Бурислава Астридѣ. Около 980 года умеръ отецъ Сигвальди, Струтгаральдъ Ярлъ Зеландскій. Сыновья его, отпраздновали его тризну, по Скандинавскому обычаю. Они привели съ собою 170 судовъ къ Зеландіи и пригласили къ торжеству Гаральда. Конунгъ явился. У него были хитрые замыслы. Онъ хотѣлъ употребить отвагу и силу Іомсвикинговъ въ пользу собственнаго дѣла. Сага ошибочно упоминаетъ здѣсь о Свейнѣ смѣшивая его, на перекоръ хронологіи, съ отцемъ его Гаральдомъ, но разсказъ ея прекрасенъ простотою. Я постараюсь передать его съ возможною точностію, замѣняя только имя Свейна именемъ его отца

»Конунгъ Гаральдъ велѣлъ на первый вечеръ подать Іомсбургскимъ викингамъ самаго крѣпкаго питья, и они пили черезъ мѣру много. Конунгъ Гаральдъ замѣтилъ, что они упились смертельно и стали очень многорѣчивы. Тогда обратился къ нимъ Конунгъ съ такими словами: здѣсь становится скучно. Хорошо было бы выдумать, для увеселенія мужей, такую забаву, о которой долго помнили-бы люди. — Сигвальди отвѣчалъ:

---

(60) Wend. Gesch. 1. 207.

(61) Вопросъ о томъ кто былъ этотъ Буриславъ царь, земли Вендской, много стоилъ труда Историкамъ. Сумъ полагалъ, что Исландцы соединили въ одно царствованія Польскихъ Мечислава и сына его Болеслава. D. Hist. III. 172. 188. Это мнѣніе ближе всего къ истинѣ. Дѣйствительно, завоеванія Мечислава и въ особенности сына его сблизили ихъ съ Волинскими викингами. Болеславъ былъ владѣтелемъ значительной части земли Вендской. Свидѣтельства лѣтописей многочисленны. Martinus Gallus, p. 37: ipse (Boleslaus) namque Selenciam, Pomeraniam et Prufsiam usque adeo vel in perfidia resistentes, vel convers in fide solidavit.... »Kadlubek 1. p. 39:» Selenciam, Pomeraniam, Prussiam, Russiamque suae subjiciens ditioni.... »Helmold 1. c. 15. Eodem quoque tempore, Bolizlaus Polonorum christianifsimus rex.... omnem Slaviam, quae est ultro odoram, tributis subjecit....» Скептицизмъ Гизебрехта здѣсь неумѣстенъ (Wend. Gesch. 1. 232) Отъ Исландской Саги, по самому способу ея происхожденія, нельзя требовать точности хронологической и мѣстной. Впрочемъ въ пользу Сумова предположенія есть еще доводъ: Іомсб. Сага говоритъ гл. 13. что Свейнъ Датскій и Сигвальди были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Бурислафа. У Титмара Мерзебургскаго, лѣтописца строгаго и правдиваго, встрѣчаемъ извѣстіе что Свейнъ былъ точно женатъ на дочери Мечислава, сестрѣ Болеслава, которыхъ Исландцы смѣшивали, такъ какъ они смѣшивали имъ болѣе близкихъ и извѣстныхъ Гаральда и Свейна. Смот. Thietm. Merseb. VII. c. 28.

намъ кажется что всего пристойнѣе и лучше начать тебѣ. Мы отъ тебя не отстанемъ.—Конунгъ сказалъ: я знаю, что есть у мужей обычай давать при такихъ пиршествахъ обѣты себѣ во славу; вы прославились во всѣхъ странахъ и обѣты ваши должны быть также знамениты. Я подамъ примѣръ. Я клянусь, что до начала третьей зимы выгоню Этельреда (?), короля Англійскаго, изъ его царства или убью его и овладѣю его землями. Теперь твоя очередь Сигвальди. Обѣщай не менѣе. Тотъ отвѣчалъ, что такъ и поступитъ. Я клянусь, молвилъ онъ, что до начала третьей зимы я приведу въ Норвегію всю силу, какую могу собрать, и выгоню Гакона Ярла изъ земли его, или убью его, или самъ лягу. Конунгъ сказалъ: ты началъ хорошо и хорошъ обѣтъ твой. Да поможетъ тебѣ счастіе свершить обѣщанное! Тебѣ говоритъ теперь, Торкель высокій. Тебѣ приличны смѣлые замыслы.—Торкель молвилъ: я далъ себѣ слово идти за братомъ моимъ Сигвальди и не обращаться вспять, доколѣ не увижу въ тылъ корабля его.—Смѣла была рѣчь твоя и смѣло исполнишь ты сказанное. Ну, Буйтолстый, за тобою очередь. Обѣтъ твой долженъ быть замѣтенъ.— Я клянусь помогать Сигвальди въ походѣ его, на сколько у меня есть отваги и не отставать отъ него, доколѣ на это не будетъ его воли. — Я зналъ напередъ, сказалъ Конунгъ, что ты хорошее молвишь намъ За братомъ, слѣдуетъ говорить тебѣ, Сигурдъ Каппе. Рѣчь моя коротка, отвѣчалъ Сигурдъ, я пойду за братомъ и не обращусь назадъ, пока братъ будетъ стоять на мѣстѣ, или пока онъ не ляжетъ мертвый. — Этого надобно было ждать отъ тебя, сказалъ Конунгъ; за тобою дѣло теперь, Вагнъ. Любопытно намъ услышать обѣтъ твой. Вы сильные бойцы, друзья.—Вагнъ сказалъ: клянусь слѣдовать за Сигвальди и другомъ моимъ Буемъ въ походѣ ихъ и не отступать, пока не захочетъ того Буй, если онъ останется въ живыхъ. Кромѣ того есть у меня другой обѣтъ: если я буду въ землѣ Норвержской, то убью Торкеля Лейру и лягу на ложе дочери его Ингеборги, не въ обиду друзьямъ ея. Біорнъ Британецъ былъ съ Вагномъ. Конунгъ спросилъ: каковъ будетъ твой обѣтъ, Біорнъ? Этотъ отвѣчалъ, что онъ послѣдуетъ за воспитанникомъ своимъ Вагномъ, на сколько у него достанетъ отваги!—Бесѣда кончилась (62). На другое утро Сигвальди, проснувшись, узналъ отъ жены своей Астриды о томъ, что было наканунѣ. Хмѣль его прошелъ, но отступить отъ обѣщанія было невозможно. По совѣту жены, Сигвальди поступилъ слѣдующимъ образомъ, при свиданіи съ Гаральдомъ. Конунгъ спросилъ Сигвальди, помнитъ-ли онъ объ обѣтѣ своемъ. Сигвальди отвѣчалъ, что не помнитъ. Тогда конунгъ повторилъ ему сказанное наканунѣ. Сигвальди молвилъ: пьяный человѣкъ не то что трезвый. Что дашь ты за исполненіе обѣщаннаго? Конунгъ сказалъ, что онъ намѣренъ дать двадцать кораблей, когда Сигвальди будетъ готовъ къ походу! Сигвальди замѣтилъ: прибавка хорошая для мужика, для конунга этого мало.—Гаральдъ наморщилъ не много брови и спросилъ: сколько кораблей нужно тебѣ.—Сигвальди сказалъ ему: шестдесять большихъ судовъ—ни много, ни мало. Мой собственный участокъ будетъ не менѣе твоего, если-бы у меня было даже менѣе судовъ; потому что не всѣмъ суждено вернуться назадъ. — Конунгъ отвѣчалъ: суда будутъ готовы, когда ты будешь готовъ.—Это хорошая

---

(62) Iomsvik. Saga, cap. 13. Обѣтъ Конунга очевидный анахронизмъ. Сага смѣшиваетъ Гаральда съ Свейномъ, который дѣйствительно воевалъ съ Этельредомъ.

прибавка, сказалъ Сигвальди. Исполни слово твое, потому что я пускаюсь въ путь, тотчасъ по концѣ пира. — Конунгъ задумался и молвилъ: я исполню какъ можно скорѣе, но я не думалъ, что бы ты такъ скоро собрался! Астрида, жена Сигвальди, сказала тогда: нѣтъ надежды, что-бы вы побѣдили Ярла Гакона, если онъ узнаетъ заранѣе о вашемъ приходѣ и вы не въ расплохъ на него нападете.—Они стали готовиться къ отплытію, еще во время пира. Това, дочь Ярла Гаральда, сказала мужу своему Сигурду: прошу тебя помогать всѣми силами брату твоему Бую, потому что онъ оказалъ мнѣ много добра и я, хотя малымъ, хочу отплатить ему. Вотъ два человѣка, которыхъ я даю тебѣ тебѣ Буй: одного зовутъ Гавардомъ, другаго Аслакомъ. — Буй взялъ этихъ людей и благодарилъ Тову. Аслака онъ тотчасъ отдалъ другу своему Вагну. Такъ кончился пиръ и Іомсвикинги отправились немедля въ путь. Унихъ было сто большихъ судовъ» (63).

Но имъ не удалось застать въ расплохъ Ярла Гакона. Увѣдомленный о прибытіи страшныхъ гостей, онъ собралъ около трехсотъ судовъ и разставилъ ихъ въ выгодномъ порядкѣ, для боя въ небольшомъ заливѣ, который образуетъ море у утесовъ Гіорунгскихъ. Сюда заманилъ Ярлъ неосторожныхъ враговъ. Между ними началась сѣча, одна изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ знаменитыхъ въ преданіяхъ Скандинавскихъ. Четыре Исландскіе скальда бились за Гакона въ битвѣ и пѣли дѣла его. Одинъ изъ нихъ Эйнаръ хотѣлъ перейти къ Іомсвикингамъ, жалуясь на скупость Норвежскаго владыки, но Ярлъ удержалъ его даромъ великолѣпной серебряной чаши. Не смотря на перевѣсъ числа, на выгоду положенія своего, Норвежцы должны были уступить дикой отвагѣ противниковъ и подались назадъ. Тогда, Ярлъ Гаконъ сошелъ на землю, удалился въ лѣсъ и принесъ въ жертву богинѣ Торгердѣ лучшее сокровище свое, самое драгоцѣнное изъ всего, чѣмъ обладалъ онъ—семилѣтняго сына своего Эрлунга. Его кровью купилъ онъ побѣду. Поднялась страшная буря. Градъ билъ въ лице Іомсвикингамъ, вѣтеръ относилъ назадъ пущенныя ими стрѣлы. Сигвальди сказалъ тогда, что онъ обѣщалъ биться съ людьми а не съ духами и обратилъ корабль свой назадъ. Вагнъ послалъ ему въ слѣдъ копье свое и оскорбительную пѣснь:

»Сигвальди привелъ насъ подъ удары,
а самъ бѣжалъ малодушно. Онъ
торопится въ домъ свой; онъ спѣшитъ
пасть на грудь жены своей.«

Примѣру Сигвальди послѣдовали Торкель высокій и Сигурдъ Каппг, по смерти брата. Сильный ударъ меча отсѣкъ у Буя верхнюю губу и весь подбородокъ. Онъ молвилъ: не сладко будетъ теперь цѣловать меня дѣвамъ Борнгольмскимъ, схватилъ остатками обрубленныхъ рукъ ларецъ съ золотомъ своимъ и бросился съ нимъ въ море. Вагнъ съ семьюдесятью товарищей были взяты въ плѣнъ. (64) Они подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Ярлъ хотѣлъ всѣхъ ихъ предать смерти. Вотъ какъ разсказываетъ объ нихъ сага. Узники были всѣ связаны одной большой ве-

---

(63) Iomsvik. Saga, c. 13.
(64) Iomsvik. Saga, c. 13.

ревкой. Торкель Лейра былъ избранъ исполнителемъ казни. «Сначала къ нему подвели трехъ чаловѣкъ, они были тяжело ранены, но къ нимъ были приставлены воины для стражи и для вплетенія имъ вѣнковъ въ волосы. Торкель Лейра подошелъ къ нимъ, отрубилъ имъ головы и спросилъ у бывшихъ при этомъ: не находите-ли вы во мнѣ какой нибудь перемѣны послѣ этой работы? Говорятъ, что это бываетъ со всякимъ кто убьетъ трехъ человѣкъ.— Ярлъ Эйрихъ (сынъ Гакона) сказалъ: мы не видимъ глазами перемѣны въ тебѣ, но намъ кажется однако что ты много измѣнился. — Тогда подвели четвертаго человѣка отъ веревки и вплели ему вѣнокъ въ волосы. Онъ былъ крѣпко израненъ. Торкель спросилъ: каково тебѣ умирать?—Смерть вещь хорошая. Со мною должно случиться, то что случилось съ отцемъ моимъ. — Торкель спросилъ: что съ нимъ случилось? — Руби. Онъ умеръ. — Торкель срубилъ ему голову. Подвели пятаго и Торкель повторилъ вопросъ: каково ему умирать? Тотъ отвѣчалъ: я забылъ-бы о законахъ Іомсбургскихъ викинговъ, если-бы испугался смерти и молвилъ робкое слово. Умереть долженъ каждый. — Торкель зарубилъ его до смерти. Потомъ Норвежцы рѣшили испытывать всѣхъ узниковъ вопросами. Имъ хотѣлось искусить ихъ отвагу—такъ ли они смѣлы, какъ говорила молва объ нихъ, невымолвятъ-ли робкаго слова предъ смертію. Привели шестаго плѣнника и вѣнчали его. Торкель говорилъ ему тоже, что прежнимъ. Онъ отвѣчалъ: я радъ честной смерти. А ты, Торкель, будешь жить съ позоромъ.—Торкель убилъ его. Тогда подошелъ седьмой и услышалъ обычный вопросъ. »Умирать мнѣ весело. Руби только скорѣе. Я держу ножъ въ рукахъ, потому что мы часто толковали съ товарищами, Іомсвикингами о томъ, помнитъ-ли и знаетъ-ли что нибудь человѣкъ, когда у него только что срублена голова. Это будетъ знакомъ: я подыму ножъ къ верху, если у меня останется память, иначе онъ упадетъ на землю. — Торкель Лейра ударилъ въ него, голова отлетѣла прочь, но ножъ упалъ на землю. Привели восьмаго плѣнника и Торкель спросилъ у него тоже, что у другихъ. Онъ отвѣчалъ, что смерть не противна ему, а когда мечь поднялся надъ нимъ, онъ сказалъ еще: баранъ! Торкель остановилъ ударъ и спросилъ, какъ это слово пришло ему на языкъ.— Отвѣтъ былъ: я не изъ числа тѣхъ овечекъ, которыхъ вы, люди Ярла, призывали вчера, когда мы рубили васъ?—Жалкій! молвилъ Торкель и опустилъ ударъ. Развязали девятаго. Онъ отвѣчалъ на обычный вопросъ: смерть отрадна мнѣ, также какъ товарищамъ моимъ; но я не хочу умирать какъ овца; я сяду передъ тобою, а ты руби меня прямо въ лице, да замѣчай вздрогну ли я. Мы объ этомъ часто толковали.—Такъ и было сдѣлано. Онъ сѣлъ напротивъ Торкеля, который подошелъ и ударилъ прямо въ лице. Но онъ не взрогнулъ, только глаза закрылись, когда смерть сошла на него. Потомъ подвели молодаго человѣка: у него были густые, какъ шелкъ золотистые волосы. Торкель обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ своимъ. Онъ отвѣчалъ: жизнь моя была очень хороша до сихъ поръ, но вчера и ныньче умерли такіе люди, что мнѣ уже, кажется, не изъ чего жить. Я хочу только, что бы меня вели на смерть не рабы, а воинъ не хуже тебя.—Я думаю что такіе не рѣдки;—пусть онъ нагнетъ мнѣ голову и держитъ волосы къ верху что-бы они не намокли въ крови. Подошелъ Норвежскій воинъ, схватилъ волосы и обмоталъ ихъ около рукъ своихъ; когда Торкель занесъ мечь, онъ нагнулъ голову узнику, но ударъ попалъ въ того, кто держалъ и отсѣкъ ему обѣ руки, у самыхъ локтей. Викингъ вскочилъ и спросилъ: чьи руки въ волосахъ моихъ? — Ярлъ Гаконъ ска-

залъ: намъ приключилось большое горе. Убей скорѣй этого и потомъ другихъ, которые близко стоятъ. Это люди опасные и отъ нихъ не всегда можно остеречься. — Ярлъ Эйрихъ молвилъ: надобно прежде узнать кто они такіе. Какъ зовутъ тебя, молодой человѣкъ?—Меня зовутъ Свейномъ.—Кто отецъ твой? — Говорятъ, что я сынъ Буя. — Сколько лѣтъ тебѣ?—Если переживу эту зиму, то мнѣ будетъ восьмнадцать лѣтъ. — Ты переживешь эту зиму, сказалъ Ярлъ Эйрихъ и взялъ его себѣ. Ярлъ Гаконъ былъ этимъ очень недоволенъ.... Затѣмъ развязали еще человѣка, но ноги его запутались въ веревкѣ и онъ сидѣлъ неподвижно. Онъ былъ молодъ, великъ и черезъ мѣру отваженъ. Торкель сказалъ: каково тебѣ умирать? онъ отвѣчалъ: умирать было бы хорошо, если-бы я только исполнилъ обѣтъ свой.—Ярлъ Эйрихъ спросилъ: какъ зовутъ тебя?—Вагномъ.—Кто твой отецъ? Аки.—Какой же обѣтъ далъ ты, по совершеніи котораго тебѣ хорошо было бы умереть? — Я далъ обѣтъ лечь на ложе Ингеборги, дочери Торкеля Лейры, не въ обиду друзьямъ ея и убить его самого, когда буду въ Норвегіи. — Изъ обѣта твоего ничего не выдетъ, сказалъ Торкель, бросился на него и обѣими руками занесъ ударъ. Но Британецъ Біорнъ далъ Вагну такой толчекъ ногою, что онъ упалъ. Ударъ Торкеля пролетѣлъ мимо, онъ самъ споткнулся и выронилъ мечь, который перерубилъ веревку державшую Вагна. Этотъ сталъ на ноги, схватилъ мечь и убилъ Торкеля. — Теперь обѣтъ мой вполовину совершился; мнѣ стало веселѣе на сердцѣ.—Ярлъ Гаконъ вскричалъ: не упускайте его, убейте его скорѣе! Но Ярлъ Эйрихъ молвилъ: ему также слѣдуетъ жить какъ и мнѣ. — Тогда сказалъ Гаконъ: намъ, кажется, не зачѣмъ болѣе метать жребій, потому что ты все рѣшаешь одинъ. Эйрихъ отвѣчалъ: Вагнъ хорошее пріобрѣтеніе и обмѣнъ былъ бы выгодный, еслибы онъ заступилъ мѣсто Торкеля Лейры.» — Такимъ образомъ, взялъ Ярлъ Эйрихъ Вагна себѣ. Вскорѣ, всѣ плѣнники были освобождены, благодаря великодушію Эйриха (65), но они возвратились къ себѣ на родину, а не въ Іомсбургъ, на время опустѣвшій. О Гіорунгской битвѣ сохранился двоякій разсказъ: пѣсни бывшихъ при Ярлѣ Гаконѣ скальдовъ перешли въ Исландію и составили основу первобытной Іомсбурской саги, между тѣмъ какъ Сигвальди и другіе бѣглецы, удалившіеся на островъ Зеландію, оставили иныя преданія, въ которыхъ ихъ участіе въ роковой битвѣ выставлено съ самой блестящей стороны. Этими преданіями воспользовался Саксонъ Грамматикъ (66).

Опустѣніе Іомсбурга продолжалось недолго. Исландецъ Біорнъ Асбрандзонъ засталъ тамъ въ 983 или 984 году (67) новыхъ жителей — Пальнатоки и его викинговъ. Съ именемъ Пальнатоки связана, хотя и не совсѣмъ справедливо (68), вся слава Іомсбурга. По словамъ Саги, онъ ус—

---

(65) Iomsvik. Saga, c. 15.

(66 Saxo, p. 183.

(67) Wend. Gesch. 1. 222. Въ 980 Сигвальди былъ еще въ Іомсбургѣ.

(68) Исландецъ Біорнъ принесъ на родину первые разсказы о Пальнатоки. Изъ нихъ сложилась особливая Сага, которую впослѣдствіи соединили съ Іомсбургскою. Но Сага о Пальнатоки помѣщенная въ началѣ на перекоръ хронологической точности поглотила, такъ сказать, остальное содержаніе. Пальнатоки

троилъ внутри самой крѣпости огромную гавань, которая вмѣщала въ себѣ триста большихъ судовъ. Входъ въ гавань защищали каменныя, устроенныя сводомъ ворота съ желѣзными затворами. Надъ воротами возвышалась башня, изъ которой можно было метать стрѣлы и камни въ нападающихъ (69). Это описаніе очевидно возникло въ позднѣйшія времена; оно рѣшительно не могло принадлежать первобытной, еще неискаженной чуждыми ей вставками сагъ. Не говоря о трудности такихъ построекъ для того времени, замѣтимъ что каменные своды вовсе неизвѣстны древнему зодчеству Скандинавовъ (70), и что еще въ XII вѣкѣ Норвежскія крѣпости строились изъ большихъ связанныхъ канатами бревенъ (71). Пальнатоки также приписываютъ законы, которыми управлялись Іомсбурскіе викинги. Эти законы замѣчательны; они напоминаютъ во многомъ Запорожскую сѣчь.

« Таково было начало этихъ законовъ: никто не можетъ быть принятъ въ Іомсбургъ старѣе пятидесяти или моложе осьмнадцати лѣтъ. На родство и кровную связь не должно обращать вниманія, при пріемѣ викинговъ, а на законъ. Никто не долженъ отступать предъ равно вооруженнымъ противникомъ. За смерть падшаго товарища, каждый долженъ мстить какъ за смерть брата своего. Ни въ какомъ случаѣ, ни при какой опасности не позволяются малодушныя слова и знаки робости. Вся добыча, взятая въ походѣ, все что можетъ быть оцѣнено деньгами, должно приноситься на копье, къ дѣлежу. Нарушитель этого постановленія исключается изъ братства. Никто не долженъ лгать и сообщать другимъ полученныя имъ вѣсти, не передавъ ихъ прежде вождю Пальнатоки. Ни кому не позволено вводить въ крѣпость женщинъ или отсутствовать болѣе трехъ ночей сряду. Если откроется, что новопринятый викингъ убилъ прежде отца или брата одного изъ товарищей, то споръ между ними рѣшаетъ Пальнатоки. Онъ рѣшаетъ и другія распри. Такимъ образомъ жили они въ крѣпости своей и держали законъ свой (72).»

Громкая извѣстность Пальнатоки (73) основана преимущественно на томъ участіи, которое онъ принялъ въ кровавой распрѣ между Гаральдомъ Блаатандомъ и сыномъ его Свейномъ. Подъ старость Гаральдъ сдѣлался ревностнымъ заступникомъ нѣкогда гонимаго имъ Христіанства. Главою языческой партіи былъ Свейнъ. Разумѣется, что Пальнатоки и

является главнымъ, почти единственнымъ виновникомъ Іомсбургской славы. Саксонъ Грамматикъ разсказываетъ объ немъ только какъ объ отличномъ стрѣлкѣ и убійцѣ Гаральда Блаатанда.

(69) Iomsvik. Saga, c. 7.

(70) Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der königl. Gesellschaft für nordisehe Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837 стр. 69.

(71) Einerson not. ad speculum Regale Norweg. p. 35.

(72) Iomsvik. Saga, c. 8.

(73) Самое подробное изслѣдованіе о Пальнатоки находится въ упомянутомъ мною изслѣдованіи Веделя Симонсена о Іомсбургѣ. Основываясь преимущественно на словахъ Саксона: «Toki provincia Iumensi ortus» Ведель полагаетъ что Пальнатоки, потомокъ этого Токи, былъ Славянинъ. Нелѣпость такаго предположенія доказана П. Э. Мюллеромъ: ueber Wedel Simonsen, N. Pomm. provinzialbll. III. 161.

Іомсбургскіе викинги стояли на сторонѣ послѣдняго. Разсказъ Саксона снова противорѣчитъ сагѣ. Подобно ей, онъ приписываетъ Іомсбургскому вождю личныя причины ненависти къ Гаральду, но событія, о которыхъ онъ говоритъ, неизвѣстны Исландцамъ. По его словамъ, Токи или Пальнатоки былъ знаменитый стрѣлокъ изъ лука. Конунгъ Гаральдъ подвергъ его искуство страшному испытанію: онъ заставилъ его сбить стрѣлою яблоко съ головы роднаго сына. Недовольный этимъ первымъ опытомъ, Гаральдъ принудилъ Пальнатоки спуститься на лыжахъ съ крутаго утеса (74). Объ всемъ этомъ молчитъ Іомсб. сага. Въ ней Пальнатоки является воспитателемъ покинутаго и презрѣннаго отцемъ Свейна. Онъ главный виновникъ войны, которая кончилась смертію Гаральда. Послѣднее дѣло сага и Саксонъ Грамматикъ согласно приписываютъ Пальнатоки, хотя совершенно расходятся въ разсказѣ подробностей. Раненый стрѣлою оскорбленнаго имъ викинга Гаральдъ умеръ въ Іомсбургѣ или Волинѣ. Здѣсь впервые показывается тѣсная связь между крѣпостію

---

(74) Saxo, p. 184—6. Невѣроятность Саксоновыхъ разсказовъ бросается въ глаза. Во 1-хъ какъ могли умолчать Исландцы о такихъ событіяхъ, которыя сверхъ своей важности, по самому характеру своему принадлежатъ Сагѣ; во 2-хъ откуда взялъ Гаральдъ власть, которая давала ему возможность подвергать свободныхъ Скандинавовъ такимъ испытаніямъ? Едвали не правъ П. Э. Мюллеръ, утверждающій, что весь этотъ разсказъ взятъ изъ какого нибудь восточнаго, зашедшаго на сѣверъ преданія. Быть можетъ, также, что источникомъ этого преданія былъ Геродотъ III. 34. 35. Но не у одного Саксона встрѣчается оно. Исландскія саги приписываютъ подвиги подобные подвигу Пальнатоки другимъ лицамъ жившимъ прежде и послѣ Іомсб. вождя. P. E. Müller, Sagabibliothek. II. 172 слѣд. III. 359. Эти басни нашли далекій отголосокъ. Онѣ повторились потомъ въ исторіи Вильгельма Теля. Кому незнакома эта исторія? Сомнѣнія въ достовѣрности событія, не засвидѣтельствованнаго ни однимъ современникомъ, считались грѣхомъ противъ народной славы Швейцарской. Уріилъ Фрейнденбергеръ, авторъ изслѣдованія Guillaume Tell, fable Danoise, Bern, 1760, былъ судимъ за оскорбленіе отечества и книга, по судебному приговору, сожжена рукою палача. Не смотря на опасности грозившія скептикамъ, не смотря, на ученость защитниковъ преданія о Телѣ, изъ которыхъ достаточно назвать Іоанна Мюллера (Sämmtliche Werke, T. VIII. p. 308) потомство иначе рѣшило это дѣло и оправдало Фрейденбергера. Въ 1835 году появились Urkunden zur Geschichte der eidgenössischen Bünde изданныя Коппомъ. Это собраніе грамотъ и другихъ актовъ доказало, во 1-хъ что извѣстія о началахъ Швейцарскаго союза искажены писателями позднѣйшими и что до 1743 года, когда была издана исторія Швейцаріи Чуди, въ народѣ существовали другія преданія, не сходныя съ тѣми, которыя образовались изъ разсказовъ названнаго лѣтописца. Kopp 44—45. Во 2-хъ Гесслеръ играющій столь важную роль съ сказаніяхъ о Телѣ никогда не былъ фогтомъ Кюссенхскимъ. Id. p. 63. Наконецъ Гизели въ своихъ Recherches critiques sur l'histoire de Guillaume Tell показалъ, какъ простыя пѣсни народа о стрѣлкѣ Вильгельмѣ (Тель есть имя нарицательное: простякъ) подъ перомъ лѣтописца соединились съ Скандинавскими Сагами. Какъ и когда эти Саги пришли въ Швейцарію сказать трудно. Быть можетъ, этимъ фактомъ доказывается Скандинавское происхожденіе, которое себѣ приписываютъ жители Кантона Швица. Аристократическая фамилія Чуди, къ которой принадлежалъ знаменитый лѣтописецъ, жившій въ 16 вѣкѣ и давшій разсказамъ о Телѣ ту форму, въ какой они дошли къ намъ, вела свой родъ изъ далекихъ, восточныхъ странъ.

и Вендскимъ городомъ. Источники уже не различаютъ ихъ (75). Дальнѣйшая участь Пальнатоки теряется въ туманѣ странныхъ преданій. Мы даже не знаемъ достовѣрно, когда онъ умеръ или оставилъ Іомсбургъ (76). Въ исходѣ X-го столѣтія Сигвальди снова правилъ тамошними викингами. Послѣдній знаменитый въ Скандинавской исторіи подвигъ совершили они 9 Сентября, 1000 года, въ битвѣ при Свольдѣ или при Гельзингборгѣ, гдѣ палъ Норвежскій конунгъ Олафъ Тригвезонъ. Сигвальди и въ этомъ случаѣ игралъ роль предателя, но онъ рѣшилъ участь битвы (77). Волинскіе Венды не были праздными зрителями грабежей и войнъ сосѣдняго Іомсбурга (78). Они рано соединились съ Норманскими викингами, переняли ихъ жестокіе обычаи и послѣ окончательнаго опустѣнія Іомсбурга (79), продолжали грабить берега Балтійскаго моря. Рюгенскіе и

---

(75) Доказательства приведены выше. Ср. Barthold, Gesch. von Pommern und Rügen, I. 315.

(76) Ведель Симонсенъ говоритъ, что Пальнатоки умеръ въ 999 году, но его предположенія основаны только на свидѣтельствѣ Іомсб. саги, источника весьма недостовѣрнаго относительно хронологическихъ опредѣленій. По словамъ саги, Пальнатоки поссорился съ питомцемъ своимъ Свейномъ, получилъ отъ Вендскаго царя Бурислафа землю Іомъ и умеръ вождемъ Іомсбурга и врагомъ Даніи. Iomsv. Saga c. 7—12.

(77) Snorri Sturluson, Saga af Olafi konungi Tryggwasini, cap. 118—131. Saxo p. 190—191. Adam. Brem. 82. Сводъ и повѣрка противорѣчащихъ одно другому свидѣтельствъ у Гизебрехта, Wend. Gesch. I, 240—250.

(78) Wend. Gesch. I. 250. Wedel Simonsen, p. 9. Объ отношеніяхъ Волина къ Іомсбургу у насъ нѣтъ хорошихъ извѣстій. Вѣроятно, что Волинцы были сначала подвластны Датскимъ вождямъ Іомсбурга, но когда эта крѣпость отложилась отъ Датскихъ конунговъ, Волинцы стали союзниками и сподвижниками бывшихъ господъ своихъ. Изъ словъ Торфея; « adiunctum muneri honore mistum onus, sub custodis limitum titulo arcendi a finibus etc. » Hist. rer. Norvegic. Part. II. lib. VII. c. 5. можно заключить, что Іомсвикинги *служили* Волинцамъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, если дѣло идетъ объ XI вѣкѣ. Впрочемъ истину Торфеевыхъ предположеній повѣрить трудно, по недостатку пособій.

(79) Въ 1043 году, Магнусъ добрый, король Датскій и Норвежскій взялъ и сжегъ Іомсбургъ, « Magnus autem rex posteaquam in Vindlandiam venit, Iomsborgum aggressus, oppidi munimentis mox expugnatis, incolarum plurimos occidit, oppidum ipsum subiecto igne cremavit, ruraque late vicina incendiis vastavit, maxima belli foeditate grassatus.» Snorri Sturluson, Saga af Magnusi Goda, c. 25. Опустошеніе окрестностей свидѣтельствуетъ о союзѣ соединявшемъ къ одному дѣлу Викинговъ и Волинскихъ Вендовъ. Снорри даже жителей Іомсбурга называетъ Вендами: « Vendas Iomsborgum habitantes « l. c. Схоліастъ Адама Бременскаго № 44 говоритъ о томъ же событіи, но не въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ: Magnus rex classe magna stipatus Danorum, opulentissimam Slavorum obsedit civitatem luminem. Clades par fuit. Magnus omnes terruit Slavos.» Быть можетъ, Магнусъ подходилъ къ самому городу Волину. Приведенныя въ 1-мъ отдѣлѣ слова Гельмольда: « hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus etc.» очень близки къ словамъ стараго Схоліаста. Не передѣлалъ ли Гельмольдъ этихъ извѣстій, вслѣдствіе какихъ нибудь недоразумѣній? Ср. Dahlmann, Gesch. von Dännemark, I. 121.

Волинскіе разбойники въ свою очередь посѣтили берега Скандинавіи (80). Въ XI столѣтіи городъ Волинъ получилъ еще другое значеніе: онъ сдѣлался надежнымъ пристанищемъ для всѣхъ изгнанниковъ и удальцовъ Датскихъ и, быть можетъ, Норвежскихъ (81). Этимъ объясняются частыя нападенія Датскихъ государей на Волинъ, въ эпоху, когда древній викингскій бытъ былъ уже предметомъ гоненій и почти изчезъ на Скандинавскомъ сѣверѣ. Около 1100 года, король Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ отправить сильный флотъ противъ Волина, котораго жители, руководимые отчасти недовольными Датчанами, дѣлали почти невозможнымъ сообщеніе между островами, изъ которыхъ состояла Данія (82). Въ приготовленіяхъ къ походу игралъ главную роль Скіальмъ бѣлый, дѣдъ знаменитаго архіепископа Авессалона (83). Этому роду суждено было нанести страшные удары Вендамъ вообще и Волину въ особенности. Городъ принужденъ былъ выдать Эриху укрывавшихся здѣсь Норманновъ и заплатить дань (84). Но такое смиреніе было непродолжительно. Судя по словамъ Датскаго лѣтописца, Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ предпринять еще два похода противъ тогоже врага (85). Успѣхи были, по всей вѣроятности, не значительные, потому что король Нильсъ вскорѣ послѣ Эриха (около 1120 года) опятъ ходилъ на Волинъ и частію сжегъ его, но не могъ прекратить разбои. Этотъ подвигъ совершили Вольдемаръ 1-й и Архіепископъ Лундскій Авессалонъ (86). Волинъ, ослабленный долгими борьбами палъ и не подымался болѣе. Силы его были истощены. Лѣтописцы не сообщаютъ подробностей о послѣднихъ битвахъ знаменитаго города и мимоходомъ говорятъ о его паденіи (87). Въ ны-

---

(80) «Piraticae usus nostris creber, Sclavis perrarus.... ob hoc latius ad eos manare coepit quod Iulini oppidi piratae patriis studiis adversum patriam usi, eo maxime Danis, quod ab ipsorum ingeniis traxerant, nocuerunt.» Saxo, p. 186.— «Ea tempestate Sclavorum insolentia diu Danicae rei miseriis alita.... piratica nostras acerrime lacessebat.» Id. p. 225. — «Magnus.. Slavis terribilis qui post mortem Knut Daniam infestabant» Adam. Brem. 114.

(81) Iulinum certissimum Danorum perfugium proscriptorum. Saxo, 225.

(82) Alli et Herri Scaniae oriundi sed eius usum facinoribus demeriti.... maritimis patriam latrociniis incessantes rem Danicam atrocius profligare coeperunt.» Saxo, ibid.

(83) Saxo, ibid.

(84) Tunc Danica juventus Julinum adorta fractos obsidione cives, quotquot intra moenia piratas habebant, cum pecunia pactionis nomine praebere coegit. Quibus nostri in potestatem acceptis, laesae patriae poenas crudelissima mortis ratione expetendas duxerunt. Saxo, ibid. За симъ слѣдуетъ описаніе ужасной казни.

(85) Nec semel quidem Ericus Sclavici roboris amplitudinem pressit et nervas debilitavit sed iterum ac tertio effrenatae gentis illius ingenia tanto terrore retodit, ut nulla eum ulterius piratici aestus procella pulsaret. Saxo, ibid.

(86) Quem incursationis morem nostris annis Waldemari regis maximique pontificis Absalonis propensae pro civibus excubiae domuerunt. Quorum strenuo interventu tranquillus terris cultus geritur, tuta aquis navigatio celebratur. Saxo, 187.

(87) Saxo, p. 347. Svein Aggeson apud Langebeck scriptores rerum Dan. med. aevi. I. 51. Значительная часть жителей разореннаго Волина удалилась въ Ка-

нѣшнемъ Волинѣ ничто не напоминаетъ великой старины. Путешественнику, случайно заброшенному въ небольшой и бѣдный городокъ Померанскій, едвали придутъ въ голову пышныя описанія Адама Бременскаго. Слѣдовъ Іомсбурга также не найти ему. Только путемъ ученыхъ изслѣдованій можно опредѣлить приблизительно мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла крѣпость Норманскихъ викинговъ. Имена Іомсбурга и Юмны не встрѣчаются въ мѣстныхъ преданіяхъ. Слава древняго Волина забыта онѣмеченнымъ народонаселеніемъ. Но рыбаки Волинскіе и Узедомскіе разсказываютъ чудную повѣсть о царственной Винетѣ, о богатствахъ ея и гибели. По ихъ словамъ, море бережно хранитъ поглощенный имъ городъ. Въ ясные дни можно отличить сквозь прозрачныя волны развалины величавыхъ зданій, верхи церквей и башенъ, огромныя груды камней, расположенныхъ правильными рядами съ Запада на Востокъ. Иногда со дна морскаго подъемлются странныя звуки: то гудятъ колокола Винетскіе во славу Бога и земли Вендской. Эти разсказы Поморскихъ рыбаковъ исполнены поэзіи. Но откуда взялись они? Гдѣ историческая основа прекраснаго преданія? Какъ могло существованіе такого города, какимъ описываютъ Винету, укрыться отъ вниманія лѣтописцевъ до Гельмольда, который въ исходѣ 12 вѣка первый назвалъ это таинственное имя?

минъ куда была перенесена также каѳедра Эпископа. См. Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen, II 232. Giesebrecht, Wend. Gesch. III. 225. Волинъ былъ въ послѣдній разъ разоренъ Датчанами, въ 1177 году.

III. ВИНЕТА

«Sie ward verstörht und heist jetzt Wollin.»
Nicolaus Marschalch ap. Westphalen Mon. ined. I. 579.

Изслѣдованія ученыхъ о Винетѣ составляютъ любопытный и поучительный эпизодъ въ самой исторіи науки. Сто лѣтъ тому назадъ также крѣпко вѣрили въ существованіе Винеты, какъ въ подвигъ Вильгельма Теля. Всякое сомнѣніе казалось, если не преступнымъ, то по крайнѣй мѣрѣ невѣжественнымъ и дерзскимъ отрицаніемъ очевидныхъ истинъ. Дѣло критики было трудное и опасное: она должно была спорить противъ дорогихъ народу повѣрій, опровергать свидѣтельства лѣтописей и уличать въ легкомысліи людей съ громкими именами и великими заслугами въ области науки. То что теперь намъ кажется обыкновеннымъ ученымъ трудомъ, было сто лѣтъ тому назадъ подвигомъ мужества и самоотверженія въ пользу истины. У сочинителя книги « Guillaume Tell, fable Danoise » было вѣрно не менѣе смѣлости, чѣмъ у горнаго стрѣлка, въ дѣлахъ котораго онъ усумнился, и Люцернскій совѣтъ, требовавшій казни наглаго скептика, едвали былъ лучше Геслера. Жизнь ученыхъ, которые начали критическое разложеніе сказаній о Винетѣ, конечно не подвергалась опасности, но имъ также не легко, не безъ тяжкихъ трудовъ и оскорбленій всякаго рода досталась побѣда надъ вѣковымъ предразсудкомъ. Бартольдъ разсказалъ подробно странное рожденіе и быстрый ростъ басенъ о Винетѣ (88). Мнѣ остается только дополнить его прекрасный трудъ нѣкоторыми, ускользнувшими отъ его вниманія фактами и выводами послѣднихъ, окончательныхъ розысканій.

Имя Винеты встрѣчается въ первой разъ въ лѣтописи Гельмольда, писанной около 1170 года. Выше показано, что Бозовскій священникъ повторилъ, говоря о Винетѣ слова Адама Бременскаго о Юмнѣ или Волинѣ. Изъ Гельмольдовой лѣтописи имя Винеты и ея описаніе перешли въ другіе письменные помятники средняго вѣка. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, никто не думалъ отличать Винеты отъ Юлина. Полагали, что это были два имени одного и тогоже города. Во второй половинѣ XIV вѣка, ученый рыцарь Эрнстъ фонъ Кирхбергъ написалъ стихотворную хронику земли Мекленбургской. Очевидно, что для древнѣйшихъ временъ онъ почти исключительно пользовался Гельмольдомъ. Но извѣстія, сообщенныя послѣднимъ, уже дополнены и развиты историкомъ—поэтомъ. Вмѣсто неопредѣленнаго «aliae gentes permixtae» явились Чехи и Поляки. Явились также Евреи, потому что, по мнѣнію Эрнста фонъ Кирхберга,

(88) Gesch. von Pom und Rügen. 1. 404—423.

ихъ не могло не быть въ торговомъ городѣ (89). Эти измѣненія были конечно неважны. Они въ сущности не искажали древняго текста, но первый шагъ на поприщѣ произвольныхъ толкованій и дополненій былъ сдѣланъ. При томъ направленіи, какое приняла историческая наука въ исходѣ XV и въ XVI столѣтій, сѣмя, брошенное Кирхбергомъ, не могло не принести богатыхъ плодовъ.

Реформація положила конецъ единству католическаго Христіанства, въ которомъ дотолѣ жили и сознавали себя народы Западной Европы. По самому свойству своему, такой переворотъ долженъ былъ обнаружить сильное вліяніе на всѣ отрасли человѣческаго знанія. У католическаго міра было свое пониманіе исторіи. Всѣ событія, всѣ народности были связаны одною идеей и одною цѣлью. При такомъ подчиненіи общему, частности болѣе или менѣе сглаживались. Но Католическое воззрѣніе на исторію не могло быть принято поколѣніями XVI вѣка. Народы, выступивъ изъ связывавшаго ихъ прежде единства, потребовали каждый своей особенной, ему исключительно посвященной исторіи. Множество ученыхъ взялось за это дѣло. Они принесли къ нему умы, настроенные къ смѣлымъ соображеніямъ великими событіями современности, огромную начитанность въ древнихъ классикахъ и въ лѣтописяхъ средняго вѣка, пламенный патріотизмъ и совершенное отсутствіе всякихъ началъ критики. Скажемъ болѣе: у нихъ не было простаго смысла истины и правдоподобія. Чудовищныя компиляціи того времени поражаютъ нынѣшняго читателя нестройною ученостію, которая видна на каждой страницѣ и страннымъ разгуломъ ничемъ несдержаннаго воображенія (90). Разумѣется, есть исключенія, но ихъ не много. Это уже не простодушное невѣжество средняго вѣка, а самовольная игра историческими фактами, наглый умыслъ передѣлать прошедшее сообразно съ личною прихотью или народнымъ самолюбіемъ. Басня о Винетѣ въ ея постепенномъ развитіи служитъ разительнымъ доказательствомъ сказаннаго.

Первый, кто пошелъ по слѣду, проложенному Кирхбергомъ, былъ Албрехтъ Кранцъ, (ум. 1517) писатель не безъ значительной учености и не безъ дарованія, но зараженный общею болѣзнію вѣка. Подъ названіемъ «Вандаліи,» написалъ онъ исторію сѣверной Германіи, смѣшалъ по примѣру многихъ предшественниковъ Вендовъ съ Винулами и Вандалами, и при-

(89) Ernesti de Kirchberg chronic. Mecklenburg. ap. Westhpalen, Mon. ined. IV. 593—840. Кирхберхъ еще принимаетъ Винету, Юлинъ и Волинъ за названіе тогоже города.

Als Wynneta wart verstört
ich hans gelesen und gehört
Daz sy widder buwete sus.
mechtig der keysir Iulius,
und nante sy do Iulyn,
nu nennet man sy Wollin. p. 614.

(90) Ranke, Deutsche Gesch. im zeitalter der Reformation. V. 492. Я надѣюсь представить подробную характеристеку этого періода въ исторіи науки, въ приготовляемой мною біографіи Улриха фонъ Гуттена. Ср. также Бартольда Gesch. von pom. und Rüg. 1. 408.

нялъ Винету за отдѣльный отъ Юлина городъ. Но его Винета находилась также при рѣкѣ Дивеновѣ и была въ сущности старый Волинъ, на развалинахъ котораго, или по крайней мѣрѣ, очень близко отъ нихъ, выстроился новый городъ. Описаніе Винеты заимствовано Кранцемъ изъ Гельмольда. Сочинитель Вандаліи прибавилъ отъ себя извѣстіе о разореніи города Шведами и Датчанами, во времена Карла Великаго (91). Причиною этого бѣдствія были раздоры, возникшіе между жителями. Сказаніе это было принято за достовѣрный фактъ позднѣйшими историками, Сумомъ (92), Веделемъ Симонсеномъ (93) и т. д. Но откуда взялъ его самъ Кранцъ? Слова Гельмольда «quidam Danorum rex» вовсе не уполномочивали его къ такимъ выводамъ. Другіе болѣе ранніе источники не упоминаютъ вовсе о Винетѣ. Ведель Симонсенъ въ оправданіе Кранца ссылается на житіе св. Ансгарія, составленное въ IX вѣкѣ ученикомъ его Римбертомъ. Не понимаю, какъ могло ученому изыскателю придти въ голову такое неудачное оправданіе. Кранцъ называетъ по имени конунговъ Гемминга и Герода, говоритъ о междоусобіяхъ жителей и т. д. Римбертъ разсказываетъ совсѣмъ другое. Изгнанный изъ родины Шведскій конунгъ Анундъ просилъ помощи у Датчанъ и обѣщалъ имъ въ награду отдать на разореніе городъ Бирку. Жители умѣли отклонить отъ себя грозившую имъ бѣду и Датскіе викинги рѣшились вознаградить себя другою добычею. «Ceciditque sors quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent. Hoc ergo illi, videlicet Dani, quasi divinitus sibi imperatum credentes a loco memorato recesserunt et ad urbem ipsam directo itinere properarunt, innuentesque super quiete et secure habitantes, improvise civitatem illam armis ceperunt et captis in ea spoliis ac thesavris multis ad sua reversi sunt (94). Здѣсь даже не названо имя взятаго города, не говоря уже о другихъ подробностяхъ. Но этимъ не ограничился Кранцъ. У Адама Бременскаго, у Саксона Грамматика читалъ онъ о богатствѣ и значеніи древняго Юлина. Онъ пользуется описаніемъ, которое составилъ первый изъ этихъ двухъ лѣтописцевъ, не замѣчая, что тоже самое сказано имъ прежде о Винетѣ, со словъ Гельмольда. Потомъ онъ сообщаетъ новыя, у него перваго находимыя подробности, что Юлинъ уступалъ одному только Цареграду, что у каждаго изъ жившихъ тамъ торговыхъ народовъ были свои улицы, торжища и т. д. Короче, онъ разсказываетъ о Волинѣ то, что онъ зналъ о болѣе близкихъ ему по времени городахъ Ганзейскихъ въ Россіи и Норвегіи (95). Слѣдовательно Бартольдъ не правъ, называя Николая Маршальха «отцемъ лжи» о Винетѣ. Маршальхъ былъ только сумазброднѣе, смѣлѣе Кранца, но не ему принадлежитъ честь начинанія.

Вскорѣ послѣ Кранцовой «Вандаліи» написалъ свою исторію Помераніи Іоаннъ Бугенгагенъ, уроженецъ Волинскій. Въ первомъ отдѣлѣ моего разсужденія, я упомянулъ о его книгѣ и о сочиненной имъ генеалогіи для

---

(91) Alberti Crantzii Wandalia, II. c. 19. 20.
(92) Dansk. hist. 1. 499. II. 159—162.
(93) Geschichtl. untersuchung. ueber Iomsburg. p. 59.
(94) Vita S-ti Angarii c. 19, ap. Pertz, II. 704.
(95) Wandalia, c. 33.

роднаго города. Онъ уже принимаетъ Винету за отдѣльный городъ и переноситъ ее съ Дивенова на сосѣдній съ Волиномъ островъ Узедомъ (96). Разсказъ Гельмольда онъ относитъ исключительно къ Винетѣ. Преданіе о поглощеніи этого города моремъ ему еще не извѣстно, но онъ упоминаетъ объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ. Впрочемъ Бугенгагенъ приводитъ другое мнѣніе, утверждавшее тожество Винеты и Волина, и признается, что оно также не безъ основанія (97). Вопросъ этотъ, повидимому, его занималъ немного. Сочиненіе Бугенгагена не могло имѣть большаго вліянія, не смотря на то, что оно было гораздо лучше всего, что написано о томъ же предметѣ его современниками и вообще учеными XVI вѣка. Оно пролежало болѣе двухсотъ лѣтъ въ рукописи и напечатано не прежде, какъ въ 1728 году. Тѣмъ болѣе читались сочиненія въ родѣ Annales Herulorum et Vandalorum l. VII, Николая Марешалха (98). Не считаю нужнымъ передавать содержаніе этихъ бредней. Достаточно слѣдующаго: по свидѣтельству лѣтописей (?) въ Винету, гдѣ жили Птоломеевы Венеты, ходили товары изъ Индіи, Азіи, Греціи. Торговыя сношенія происходили тогда съ большимъ удобствомъ и простирались отъ Вандаловъ къ Сарматамъ, отъ Сарматовъ къ Скиѳамъ, потомъ къ Каспійцамъ, Сирамъ, Бактріянамъ и Индѣйцамъ. Когда погибла Винета, на ея мѣстѣ возникъ Юлинъ, что доказывается древними памятниками (99). Какими ?

Но мы еще далеко отъ берега. Намъ еще предстоитъ длинное плаваніе въ этомъ океанѣ нелѣпостей, въ которомъ потонуло такъ много неосторожныхъ историковъ прошедшаго и даже нынѣшняго столѣтія.

Окончательно утвердилъ вѣру въ существованіе и значеніе Винеты, сочинитель извѣстной Померанской хроники Ѳома Канцовъ. Его нельзя упрекнуть въ умышленномъ обманѣ. Онъ былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ (100). Собирая матеріалы для своей книги, онъ рѣшился повѣрить на мѣстѣ истину сказаній о развалинахъ Винеты. Въ проме-

---

(96) Wineta nobilissima Europae civitas fuisse creditur in terra Usedomensi in Pomerania, ubi adhuc prope Swinam cujusdam nobilis civitatis ostenduntur reliquiae. Pomerania, l. c. 6. Но подводные утесы, которые принимались за развалины Винеты лежатъ не близь Свины, а слишкомъ три мили далѣе на Западъ, у Дамерова.

(97) Quidam vero exipso situ Winetam dicunt fuisse, quae nun dicitur Wollin. Nec vanis ducuntur argumentis. Ibid. Меланхтонъ, который коротко зналъ Бугенгагена и, безъ всякаго сомнѣнія, читалъ его сочиненіе о Помераніи полагалъ что это Волинъ стоялъ на мѣстѣ Винеты. Вотъ слова его: «non procul a Stettino oppidum est Iulinum, ubi portus commodissimus, quare ibi propter mercatum fuisse olim ajunt amplam urbem, quam Venetam nominant et ruinae adhuc cernuntur.» Oratio de vita Bugenhagii in praef. «Portus commodissimus» очевидно нейдетъ къ положенію Волина на Дивеновѣ, но подтверждаетъ мое мнѣніе что устье Свины служило гаванью для торговаго города

(98) Ap. Westphalen, Mon. ined. I. 168. Сочиненіе это написано около 1521 года.

(99) Annales Herulotum et Vandalorum, p. 198.

(100) Здѣсь дѣло идетъ только о Винетѣ. Вообще Канцовъ не отличался строгимъ уваженіемъ къ истинѣ. Доказательства находятся въ III томѣ Бартольдовой исторіи Помераніи и Рюгена.

жуткѣ 1520—30 были совершены имъ эти розыскапія. Онъ нашелъ въ морѣ противъ деревни Дамерова, лежащей на островѣ Узедомѣ, ряды камней, расположенныхъ въ порядкѣ съ В. на З. и заключилъ, что въ этомъ направленіи шли улицы погибшаго города. Камни онъ принялъ за фундаментъ смытыхъ моремъ домовъ. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ утесы возвышались надъ поверхностію воды. Канцову показались они главами церквей и ратуши. Глубина не дозволила ему кончить изслѣдованій, но довольно было и найденнаго. Открытая имъ часть Винеты равнялась величиною Любеку и, безъ сомнѣнія, превосходила его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Рыбаки, провожавшіе Канцова, разсказывали ему, между прочимъ, что улицы Винеты были вымощены камнемъ и что эту мостовую обросшую мохомъ можно ощупать посредствомъ длинныхъ шестовъ (101). Вопросъ былъ рѣшенъ. Канцовъ внесъ въ свою хронику результаты сдѣланныхъ имъ открытій. На небольшомъ островѣ Воллинѣ явились современно два богатые и сильные города: Воллинъ и Винета. Послѣдняя была, впрочемъ, могущественнѣе своего соперника (102). Болѣе подробныхъ извѣстій объ ней не сообщаетъ Канцовъ. Онъ довольствуется буквальнымъ переводомъ извѣстнаго мѣста Гельмольдовой лѣтописи и заимствованнымъ у Кранца предположеніемъ что Визби въ Готландіи возникъ вслѣдствіе гибели Винеты. Книга Канцова имѣла большой успѣхъ. Она ходила въ многочисленныхъ спискахъ, была дополняема и сокращаема учеными (103) и вообще считалась лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету. Не удивительно, что его разсказы о подводныхъ развалинахъ привлекли къ тому мѣсту, гдѣ они находились много любознательныхъ посѣтителей. Умершій въ 1560 году герцогъ Померанскій Филиппъ приказалъ измѣрить пространство, занимаемое мнимыми остатками Винеты. Оказалось, что они шли на полмили въ дли-

---

(101) Aber kein maurwerk ist mehr dar;... Allein seint die grossen fundamentstein noch vorhanden und liegen noch so an der Rege, wie sie unter eim Hause ligen pflegen, eins neben dem andern, und an etlichen ortern andere noch droben. Darunter seint so grosse steine, an drey oder vier orten, dass sie wol ellen hoch über Wasser scheinen, als das man achtet, es werden da ire kirchen oder ratsheuser gestanden sein.... Und die fischer des orts sagten uns, das noch gantze steinpflaster der gassen da weren, und weren übermoset, das man sie nicht sehen kônte; sunst wan man einen spitzen stungen oder spies hinein stiesse, so kônte mans wol fülen. ... Aber was wyr sahen, deuchte uns das es wol so gross war als Lübeck.» Thomas Kanzow's Chronik von Pommern. in hochdeutscher sprache, herausgegeben von Fr. L. B. von Medem, Anclam, 1841, p. 34—35.

(102) Dan ob wol Wollin zu der zeit ein mechtige stat gewest, so ist doch Wineta viele mechtiger gewest....» Id. p. 33.

(103) Теперь, когда благодаря трудамъ Бемера и Медема изданы оба текста хроники Канцова, очевидно, что «Pomerania» изданная Козегартеномъ и приписанная имъ Канцову, состояла равно какъ и многіе сборники тогоже имени и сходнаго содержанія изъ настоящаго сочиненія Канцова и многочисленныхъ дополненій и вставокъ, сдѣланныхъ впослѣдствіи учеными, которые занимались тѣмъ же предметомъ. Были также и сокращенія.

ну и на три четверти мили въ ширину (104). Вскорѣ послѣ 1560 года, въ Дамеровѣ были, для осмотрѣнія загадочныхъ камней, молодой герцогъ Брауншвейгскій и Іоаннъ Луббехъ бюргермейстеръ Трептовскій. Оба они слышали отъ проводниковъ своихъ много подробностей о великолѣпіи утонувшаго города. Пасторъ сосѣдняго Волгаста сказалъ даже герцогу, что послѣ бѣдствія, постигшаго Винету, Шведы увезли къ себѣ всѣ мраморные обломки. По словамъ какой-то старой пѣсни, металлическія ворота, которыми красовался Визби въ Готландіи, составляли часть этой добычи (105). Луббехъ нашелъ камни почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ оставилъ лѣтъ за тридцать или болѣе Канцовъ. Опираясь на прежнія изслѣдованія, на пѣсни и сказанія рыбаковъ и на конецъ на найденныя имъ въ монастыряхъ древнія рукописи, Трептовскій бюргермейстеръ сообщилъ въ своемъ письмѣ къ Давиду Хитрею, слѣдующія извѣстія. Городъ Винета былъ богатъ и славенъ еще до походовъ Гейзриха Вандальскаго въ Африку и Одоакра Герульскаго въ Италію. Причиною его погибели было не нашествіе враговъ, а наводненіе. Это бѣдственное событіе случилось въ царствованіе Лудвига благочестиваго (106). Не льзя не подивиться такой изобрѣтательности и смѣлости догадокъ. Кромѣ самого Луббеха, никто не могъ воспользоваться источниками, на которые онъ ссылается. Положимъ, что онъ, какъ думаютъ нѣкоторые, дѣйствительно читалъ какія нибудь монастырскія лѣтописи о Іомебургѣ, передѣланныя изъ сагъ, но онъ вовсе не говоритъ о Норманской крѣпости, а толкуетъ о Вандалахъ, Герулахъ и такой древности, до какой вѣрно не доходили ни видѣнные имъ письменные памятники, ни изустныя преданія Дамеровскихъ рыбаковъ. На старыя пѣсни ссылается не онъ одинъ, но странно, что ни одинъ изъ защитниковъ Винеты не привелъ хотя двухъ стиховъ изъ слышанной имъ пѣсни. Эти соображенія не помѣшали однако, нѣсколько десятилѣтій спустя, Микрелію внести въ свою подробную исторію земли Померанской всѣхъ басенъ о Винетѣ, которыя накопились въ теченіе цѣлаго столѣтія и замкнуть изслѣдованіе великими открытіями Трептовскаго бюргермейстера. Существенно новыхъ фактовъ Микрелій не прибавилъ къ исторіи и безъ того уже богатой подробностями. Но онъ развилъ и пояснилъ дошедшія до него свѣдѣнія Такимъ образомъ, ему извѣстно, что въ Винетѣ были металлическія ворота, что серебро находилось тамъ въ такомъ изобиліи, что его употребляли на самыя ничтожныя вещи и т. д. Далѣе разсказываетъ Микрелій, что въ ясную погоду можно видѣть на днѣ морскомъ уцѣлѣвшіе остатки города и замѣтить прекрасное расположеніе улицъ. Разумѣется, что послѣ погибели Винеты, ея мѣсто заступилъ Волинъ и въ свою очередь сталъ соперникомъ Цареграда (107). Я не считаю нужнымъ говорить въ этомъ обзорѣ ни о Мунстерѣ, ни о Хитреѣ и другихъ того же разряда писателяхъ, которые заимствовали у своихъ предшественниковъ готовый матеріалъ и только повторили въ своихъ книгахъ прочитанное ими прежде.

---

(104) Zedlers Universallexicon. Томъ 57, стр. 819.
(105) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen· 1. 414.
(106) Dähnert, Pommerche Bibliothek, III, 126. cp. Chythraci prooem. p. 33.
(107) Ioh. Micraelii sechs Bücher vom alten Pommerlande. 1723. 1. 97 первое изданіе вышло въ 1640 году.

Въ XIII столѣтіи басни о Винетѣ получили окончательную форму. Имя Вендской столицы явилось на географическихъ картахъ того края и перешло изъ частныхъ изслѣдованій въ учебныя книги. Извѣстный своими историческими и географическими трудами Албрехтъ Шварцъ былъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ фактовъ, переданныхъ Кранцомъ, Канцовымъ и Микреліемъ. Онъ старался доказать возможность современнаго существованія двухъ великихъ городовъ, каковы были, по общему мнѣнію, Волинъ и Винета, на томъ тѣсномъ пространствѣ, какое отвели имъ народныя преданія и наука. Іомсбургъ, о которомъ Шварцъ узналъ изъ Скандинавскихъ источниковъ и написалъ отдѣльное разсужденіе, онъ относилъ къ Ямундскому озеру, въ окрестности Кестлина (108). Въ 1741 году, два Голландскія купеческія судна потерпѣли кораблекрушеніе близъ Дамерова. Тотчасъ распространился слухъ, что они разбились о каменныя развалины Винеты. Нашлись даже люди, которые увѣряли, что они собственными глазами видѣли надъ поверхностію моря три алебастровыя или мраморныя колоны, изъ которыхъ одна покосилась отъ толчка даннаго ей Голландскимъ судномъ. Тогдашніе разсказы передалъ намъ, Штолле въ «исторіи города Деммина.» Онъ сообщалъ своимъ читателямъ, что стѣны города Винеты лежатъ на десять футовъ ниже морской поверхности, а помянутыя выше колоны только на шесть. Но когда убываетъ вода, верхи этихъ блестящихъ бѣлизною колонъ выходятъ наружу и рыбаки разстилаютъ на нихъ сѣти свои для сушенія. Стѣны очень широки и крѣпки. Форма города овальная; величиною онъ болѣе Штетина. Вблизи отъ развалинъ, магнитная стрѣлка приходитъ въ странное колебаніе, что было причиною 8 кораблекрушеній въ теченіе 26 лѣтъ, т. е. съ 1745 по 1771 годъ (109). На основаніи всѣхъ исчисленныхъ данныхъ написалъ Прусскій президентъ Кеффербринкъ напечатанное въ VIII томѣ Бюшингова магазина изслѣдованіе о Винетѣ или старомъ Волинѣ (110). Здѣсь примирены всѣ противорѣчія, разрѣшены всѣ недоразумѣнія. Іомсбургъ былъ ничто иное, какъ цитадель Винетская «тоже что Бирса при Карѳагенѣ (111).» Приведенныя выше слова саги объ укрѣпленіяхъ Іомсбургскихъ не кажутся Кеффербринку преувеличенными. Онъ даже снабдилъ ихъ слѣдующимъ комментаріемъ: «въ этой крѣпости (Іомсбургѣ) находился арсеналъ для тяжелыхъ орудій; тамъ также были приличныя комнаты для постояннаго жилища коменданту и остальнымъ высшимъ офицерамъ.... Можно заключить, что и въ казармахъ для простыхъ солдатъ не было недостатка (112).» Есть наконецъ цѣлая глава объ отношеніяхъ Вендскаго двора и великаго Бурислафа къ сосѣднимъ державамъ. Тутъ, между прочимъ, находится извѣстіе, что въ Іомсбургѣ былъ даже «первый министръ для придворныхъ и государственныхъ

---

(108) Geographie von norder-Deutschland, стр. 123. Geschichte der Pommerschen und Rugianischen staedte, стр. 617.

(109) Stolle, Beschreibung und Geschichte von Demmin Greifsw. 1772. стр. 466.

(110) Büschings magasin, VIII. Geschichte der Stadt Iulin. стр. 389.

(111) Стр. 393.

(112) Стр. 399.

дѣлъ (113).» Сколько мнѣ извѣстно, слова ученаго президента не возбудили недовѣрчивости въ современныхъ ему ученыхъ. Около десяти лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ VIII тома Бюшингова магазина, сказалъ о Винетѣ Іоаннъ Мюллеръ: «она была средоточіемъ, гдѣ произведенія пастушеской жизни и еще незначительнаго ремесленнаго труда обмѣнивались на товары купцовъ, посѣщавшихъ поморье. Но внезапно опустилась почва, на которой стоялъ городъ, въ море; великая Винета изчезла; развалины ея суть подводные утесы, но мраморъ и алебастръ свидѣтельствуютъ со дна морскаго о прошедшемъ величіи (114).»

Не говоря о бредняхъ, возникшихъ въ началѣ 16 вѣка и завершенныхъ въ статьѣ президента Кефферbринка, самый фактъ существованія Винеты доказывается слѣдовательно: 1, Свидѣтельствомъ Гельмольда; 2. Народными преданіями; 3. Развалинами города, о которыхъ у насъ есть разсказы людей, видѣвшихъ ихъ собственными глазами. Сверхъ того защитники Винеты ссылаются на такъ называемый Codex Oldenburgensis, гдѣ встрѣчается странное извѣстіе, что въ 1158 и 1176 годахъ въ Любскомъ городовомъ совѣтѣ засѣдали люди изъ городовъ Волина и Винеты. Такимъ образомъ, существованіе Винеты относится къ позднѣйшему времени и она ясно отдѣляется отъ Волина, съ которымъ ее смѣшивали (115).

Я разберу порознь всѣ эти доказательства. Ихъ опровергнуть не трудно:

I. Выше показано, что Гельмольдъ переписалъ почти отъ слова до слова описаніе Юмны Адама Бременскаго, но вмѣсто Юмны у него явилось новое имя—Винета, о которой до того времени не упоминали лѣтописцы. Далѣе, говоря о смерти Гаральда Блаатанда, Гельмольдъ повторяетъ опять сказанное Адамомъ; но мѣсто, гдѣ умеръ раненый стрѣлою Пальнатоки Конунгъ, названо у него Винетою (116). Ясно, что подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ Юмну Бременскаго лѣтописца или Юлинъ Сак-

---

(113) Президентъ Кефферbринкъ говоритъ, что дочь великаго Бурислафа Гейра была назначена отцемъ вице-королевою Поморья. Привожу слова его въ подлинникѣ. Der Geira was einer namens Dixin zum ersten minister in Hof und Staatsangelegenheiten an die seite gesetzt. Als nun eben in diesem Iahr 884 eine fremde Flotte bei dem Vindlandischen oder Iulinschen Werder anlangte, deren mannschaft mit den anwohnern der küste nicht feindselig umging, sondern sich vielmehr *ungemein sittsam und angenehm* anfführte; so übernahm es gedachter Premier ministre selbst diesen gästen im Namen der vice königin die Ueberwinterung anzutragen... Стр. 482. Эти люди, которыя такъ пріятно и нравственно вели себя, были Норманы Олафа Триггвезона, одного изъ самыхъ жестокихъ пиратовъ 10-го вѣка.

(114) Vier und zwanzig Bücher Allgemeiner. Geschichten, въ полномъ собраніи сочиненій, томъ III, 218. При этомъ нельзя не вспомнить строгаго, и отчасти справедливаго приговора, который произнесъ надъ Мюллеромъ другой болѣе великій историкъ, Нибуръ.

(115) Этотъ «codex» который служитъ дополненіемъ къ «vusticia Lubicensis» напечатанъ у Вестфалена, Mon. ined. 111, p. 632.

(116) Ipse vero Haraldus graviter sauciatus fugit ex acie, ascensaque navi elapsus est ad civitatem opinatissimam Slavorum, nomine Winnetam. Helmold. 1 15. Ср. Adam. Brem. 70.

сона грамматика, которыхъ тожество несомнѣнно. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Целнеръ (117), Линдфорсъ (118) и наконецъ Шафарикъ, полагаютъ, что слово Винета въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ и грамотахъ означаетъ просто городъ Вендовъ—civitas Venetorum. Шафарикъ привелъ даже нѣсколько примѣровъ такого рода. Но дѣло идетъ о другихъ Вендскихъ городахъ, другихъ Винетахъ, а не о Волинѣ, который подъ этимъ именемъ является впервые у Гельмольда. Во многихъ актахъ, относящихся къ 936 году, встрѣчается «Groninche quod dicitur Wenethen;» въ грамотахъ 937, 1022, 1062 годовъ «Winethahusum» (Wendenhausen); въ грамотахъ 1022, 1064 и т. д. «Winethe» (119). Замѣтимъ только, что это названіе употреблялось Нѣмцами, а не Славянами, которые сами никогда не называли себя Вендами, и слѣдовательно для нихъ слово «Vineta» было чуждый, иноплеменный звукъ (120). Есть другое мнѣніе, высказанное первоначально, если не ошибаюсь, Лангебекомъ (121), по которому «Винета» есть ни что иное, какъ ошибка самого Гельмольда, неразобравшаго въ бывшемъ у него спискѣ Адамовой лѣтописи имени Jumne (въ латинизированной формѣ — Jumneta) и замѣнившаго его другимъ ему болѣе знакомымъ; или что еще вѣроятнѣе, эта ошибка принадлежитъ позднѣйшимъ переписчикамъ «Славянской Хроники.» Совершенно сходный случай повторился съ «церковною исторіею Англовъ.» Беды, въ которой переписчики замѣнили извѣстное имя племени «Juti,» другимъ вовсе безсмысленнымъ «Viti» Мнѣніе Лангебека очень правдоподобно. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Гельмольдовой лѣтописи нѣтъ совсѣмъ слова Винета, которое находится во всѣхъ доселѣ вышедшихъ изданіяхъ. Въ одномъ спискѣ читается: Jumeta; въ другомъ: Immuveta; въ третьемъ. Niniveta (122). Бангертъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію Гельмольда упоминаетъ объ одномъ спискѣ, гдѣ онъ нашелъ: Jumneta (123). У позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые пользовались Гельмольдомъ, такъ какъ онъ пользовался Адамомъ, встрѣчается странное разнообразіе именъ тамъ, гдѣ они просто переписываютъ извѣстное намъ описаніе Юмны. Такимъ образомъ, у лѣтописца Саксонскаго читаемъ, вмѣсто Юмны или Винеты: Wimne (124); у Германа Корнера: Nyniveta или Hyumeta (125); въ chronicon Slavicum: Lunneta (126). Всѣ эти варіанты происходятъ отъ одной причины, оттого что переписчики и позднѣйшіе лѣтописцы, не разобравъ имени города, о которомъ говоритъ Гельмольдъ, писали его каждый на свой ладъ.

---

(117) Zöllners Reise durch Pommern nach Rügen, стр. 505.
(118) Lindfors de civitate Iomensi p. 72.
(119) Slowanské starozitnosti, p. 894.
(120) Ibid. 69.
(121) Scriptores rerr. Danic. medii aevi I. 51—50.
(122) См. примѣчанія къ Штенгеймову изданію Гельмольдовой лѣтописи, p. 581.
(123) Chronicon Slavorum Helmoldi ex recensione Henr. Bangerti, p. 48.
(124) Eccardi corp. hist. medii aevi I. 330
(125) Ibid. II.
(126) Lindenbrogii Scriptores rer. Septentrionalium, p. 189. Эту Луннету смѣшивали многіе съ Скандинавскимъ Лундомъ, противъ чего возставалъ еще Бугенгагенъ.

II. Безсмысленно отвергать свидѣтельство народнаго преданія потому только, что въ этомъ преданіи вымыслы и историческіе факты сплелись въ густую ткань, которой отдѣльныя нити почти неуловимы для глаза. Но не всегда такъ называемое преданіе переходитъ изъ устъ народа въ книгу, иногда оно идетъ обратнымъ путемъ—изъ книги въ народъ. Такихъ примѣровъ можно привесть много. Сказанія о Винетѣ едвали первоначально вышли изъ народа. Быть можетъ, подводные камни подали поводъ къ какимъ нибудь слухамъ между рыбаками, но окончательную форму преданіе приняло вслѣдствіе догадокъ и разсказовъ, пущенныхъ въ ходъ Канцовымъ и его послѣдователями. Частыя посѣщенія и расспросы любознательныхъ людей не могли не подѣйствовать на воображеніе Дамеровскихъ рыбаковъ. Оно, въ свою очередь, стало помогать соображеніямъ ученыхъ изслѣдователей и снабжать ихъ новыми, хотя очень не крѣпкими доводами. Что сказаніе о Винетѣ не было туземное, Вендское — это ясно изъ самаго имени города, которое могло возникнуть только у Нѣмцевъ. И имя и преданіе произошли на чуждой, не Славянской почвѣ. Это искуственно воспитанныя растѣнія, безъ внутренней силы, которую сообщаетъ народный духъ всему, что выходитъ изъ глубины его.

III. Защитники Винеты приписываютъ великую важность списку членовъ Любскаго городоваго совѣта, въ которомъ сказано, что въ 1158 и 1176 годахъ въ этомъ совѣтѣ засѣдали люди родомъ изъ Винеты и Юлина (127). Такое извѣстіе доказываетъ съ одной стороны дѣйствительное существованіе Винеты, съ другой ея различіе отъ Юлина. Но по словамъ самаго Гельмольда, Винета уже не существовала во второй половинѣ XII столѣтія: quondam fuit сказалъ онъ около 1170 года. Памятникъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, весьма сомнительнаго свойства. Онъ возникъ не прежде, какъ въ XIV или даже, быть можетъ, въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, существующій списокъ весь писанъ одною рукою и доведенъ до 1416 года. Невѣжественный составитель явно обличаетъ желаніе угодить тщеславію Любскихъ Патриціевъ, которыхъ родамъ приписываетъ глубокую древность. Нижне-нѣмецкій языкъ этой компиляціи принадлежитъ довольно позднему времени (128). Наконецъ допустивъ невозможную древность и достовѣрность Любскаго списка, мы должны вспомнить, что въ окрестности Любека могла быть не одна Винета. Ведель Симонсенъ (129) приводитъ одну грамоту Императора Генриха IV въ которой читаемъ: «in loco Winethe dicto in pago Lacne in comitatu Henrici comitis.» Эта Винета находилась недалеко отъ Гамбурга и по самому положенію своему могла быть въ тѣсной связи съ Любекомъ.

IV. Остается разобрать послѣднее доказательство — дѣйствительное существованіе подводныхъ развалинъ Славянскаго города. Молва о зна-

---

(127) Westphalen, Mon. ined. III. 632.

(128) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen. I. 420. Руморъ видѣлъ въ Любскомъ архивѣ ненапечатанный списокъ членовъ городоваго совѣта, въ которомъ вовсе не упоминается о Юлинѣ и Винетѣ. Sammlung für Kunst and Historie I. 79.

(129) Geschichtl. Untersuchungen ueber Iomsburg, p. 37. Грамота Генриха IV. отъ 1064 года. Она напечатана у Линденброга Scriptores rerum germanicarum Septentrionalium etc. p. 142, № 28.

менитыхъ развалинахъ побудила Берлинскаго ученаго Цельнера посѣтить въ 1795 году, деревню Дамеровъ. При пособіи зрительной трубы, онъ замѣтилъ въ морѣ два мѣста, гдѣ волны разбивались съ особеннымъ плескомъ и шумомъ. Рыбаки сказали ему, что причиною этого явленія была большая кирпичная стѣна, въ четыре фута толщиною, которая удерживала натискъ воды. Цельнеръ слышалъ также отъ нихъ, сверхъ извѣстныхъ разсказовъ, что часть этой кирпичной стѣны возвышается до самой поверхности моря. Онъ не могъ ничего подобнаго замѣтить и отправился изъ Дамерова съ недовѣрчивостію къ мѣстному преданію и къ самымъ развалинамъ (130). Тѣмъ не менѣе, онъ предложилъ собрать по подпискѣ деньги, нужныя для произведенія изслѣдованій на днѣ морскомъ съ помощію водолазнаго колокола. Собрана была довольно значительная сумма, но Цельнеръ умеръ и предпріятіе остановилось (131). Въ 1798 опытъ былъ однако сдѣланъ, благодаря любознательности нѣкоторыхъ жителей Штеттина и Свинемюнде и Датскаго шкипера Финка. По ихъ желанію, Шотландецъ Бусъ (Boos) опускался на морское дно въ означенномъ мѣстѣ, и хотя буря не позволила ему повторить опыта — но изъ словъ его оказалось несомнѣннымъ, что изслѣдованная имъ часть мнимыхъ развалинъ была ни что иное, какъ обыкновенныя груды подводнаго гранита (133). На основаніи этихъ данныхъ, написалъ профессоръ Вреде въ Берлинѣ отдѣльное разсужденіе, въ которомъ онъ доказываетъ неосновательность слуховъ о поглощенной волнами Винетѣ (133).

Послѣднимъ защитникомъ Винеты и ея развалинъ явился извѣстный своими трудами на другомъ поприщѣ пасторъ Мейнгольдъ (134). Онъ опирается не столько на свидѣтельство Гельмольда, сколько на слѣдующіе доводы: 1. На древнее преданіе 2. На правильно расположенные ряды камней, видѣнныхъ Канцовымъ и Луббехомъ, 3. На найденный въ морѣ, въ 1836 году, при постройкѣ Свинемюндской гавани обточенный человѣческими руками камень, 4. На множество черепковъ отъ языческихъ урнъ, употреблявшихся при погребеніяхъ, которое находится близъ Дамерова. 5. На значительное число золотыхъ монетъ, около сорока лѣтъ тому назадъ, тамъ же найденныхъ и *немедленно пропавшихъ*, такъ что надъ ними не произведено никакого изслѣдованія. Наконецъ: 6. на разорванный берегъ острова Узедома близъ устья Свины, обличающій древній, сильный переворотъ, совершенный раздраженнымъ моремъ (135).

Всѣ эти доводы, за исключеніемъ втораго достаточно опровержены Бартольдомъ (136). Но Пасторъ Мейнгольдъ обратился самъ къ общест-

---

(130) Zöllner, Reise nach Rügen, 123, 522, 523.

(131) Vedel Simonsen, Gesch. Untersuchungen ueber Iomsburg. pr 44.

(132) Ibid.

(133) Ueber die Gebirgstrümmer einer vorgeblich von der see verschlungenen stadt Vineta, Zach: monatht. correspondenz. 1802. Mai, стр. 438. October, стр. 347.

(134) Humoristische Reisebilder. 1838.

(135) Humorist. Reisebilder, p. 75—98.

(136) Gesch. von Rügen und Pommern, I. 420. примѣчаніе. Вотъ въ короткихъ словахъ опровержение Мейнгольдовыхъ положеній: иноземное слово Винета не могло быть основою народнаго преданія; если бы въ самомъ дѣлѣ, море

ву Померанской исторіи и древностей съ просьбою о пособіи для новыхъ опытовъ посредствомъ водолознаго колокола. Общество съ своей стороны сдѣлало предварительно нѣсколько запросовъ и изслѣдованій, которыхъ результатомъ были слѣдующія показанія: 1. Тайный Коммерціи совѣтникъ Краузе сообщилъ обществу, что еще за сорокъ лѣтъ до сего, находясь въ Свинемюнде, онъ встрѣтилъ тамъ на одномъ Англійскомъ суднѣ матроса, отличнаго пловца, который прежде занимался ловлею жемчужныхъ раковинъ. Г. Краузе предложилъ ему отправиться съ нимъ къ развалинамъ Винеты и опуститься тамъ нѣсколько разъ на дно моря для узнанія его свойства. Опыты эти начались на глубинѣ 9 футовъ и продолжались далѣе въ морѣ. Неутомимый матросъ 7 или 8 разъ опускался въ разныхъ мѣстахъ на дно, оставался долгое время подъ водою и каждый разъ выносилъ горсть морскаго песку и увѣреніе, что кромѣ обыкновенныхъ камней онъ не находилъ ничего. По всей вѣроятности, Г. Краузе сообщилъ обществу только новыя подробности о томъ предпріятіи, которое, какъ выше сказано, совершено было 14 Августа, 1798 года, нѣкоторыми Свинемюндскими и Штетинскими гражданами. 2. Г. Скабель въ Штетинѣ, который завѣдывалъ постройкою Свинемюдской гавани писменно отвѣчалъ въ то время на вопросъ покойнаго президента Геринга о расположеніи Винетскихъ развалинъ, что онъ самъ дважды осматривалъ каменную гряду, извѣстную подъ этимъ именемъ и при столь ясной погодѣ, что на глубинѣ 12 футовъ можно было отличать камешки величиною съ орѣхъ, но ничего похожаго на развалины или на правильное расположеніе массъ не замѣтилъ. Поставщики камня для гавани, которые ломали въ самомъ этомъ мѣстѣ гранитъ и доставали его изъ глубины отъ 6 до 12 футовъ, подтвердили тоже самое. Однимъ словомъ, слѣдовъ каменнаго города подъ водою не оказалось никакихъ (137).

Вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ предварительныхъ справокъ, общество Померанской Исторіи сочло себя въ правѣ отказать Пастору Мейнгольду въ его просьбѣ, потому что всѣ дальнѣйшіе опыты были бы излишни и безполезны. Вопросъ рѣшенъ окончательно. Деревяннаго Волина не удалось превратить въ мраморную Винету. Она существовала только въ воображеніи ученыхъ и рыбаковъ Дамеровскихъ, которые долго не откажутся отъ прекраснаго преданія. Подобное сказаніе существуетъ и въ другой части Помераніи (138). Пусть народъ вѣритъ въ эти разсказы: для него

поглотило каменный городъ, то развалины его по прошествіи столѣтій не могли бы остаться въ томъ правильномъ расположеніи, какое замѣтили Канцовъ и Луббехъ; камень, найденный близь Свинемюнде, самъ по по себѣ ничего не доказываетъ, а сверхъ того, его никто не видалъ въ Штетинѣ, куда, по словамъ Г. Мейнгольда, онъ былъ посланъ; черепки отъ урнъ встрѣчаются не въ однѣхъ окрестностяхъ Дамерова; найденныя золотыя монеты, даже если бы этотъ фактъ былъ достовѣрнѣе, недостаточное свидѣтельство. Такіе клады попадались не разъ въ разныхъ мѣстахъ острова Волина. Что море въ глубокой древности измѣнило форму острова и оторвало даже часть берега — это возможно и даже вѣроятно; но этимъ не доказывается существованіе поглощеннаго города.

(137) XIV-й отчетъ общества Померанской Исторіи и древностей. Baltische Studien, VII. 249 253.

(138) Wend. Gesch. II. 128.

они составляютъ исторію и поэзію; они могутъ быть приняты и въ настоящую, чистую отъ вымысловъ исторію — но ихъ не надобно ставить на ряду съ строгою дѣйствительностію. У нихъ есть свой смыслъ, свое независимое достоинство и значеніе.

Найдутся и кромѣ Дамеровскихъ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицемъ сухой, критикою добытой истины, станетъ жаль изящнаго вымысла — но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего.

Въ заключеніе должно упомянуть о поэтическомъ предположеніи Гизебрехта (139). Онъ не вѣритъ въ существованіе Винеты; но ему кажется, что въ основаніи преданій объ ней лежитъ историческая истина, скрытая въ символическихъ образахъ. Гудящій колоколами церквей своихъ подводный городъ есть, по его словамъ, поэтическое изображеніе христіанской церкви въ землѣ Вендской, во дни отпаденія Саксовъ отъ Генриха IV.

---

(139) Ibid.

ТЕЗИСЫ.

1. Волинъ, Юмна и Юлинъ суть имена одного и тогоже города.
2. Адамъ Бременскій и Саксонъ граматикъ смѣшиваютъ Норманскую крѣпость Іомсбургъ съ Славянскимъ городомъ Волиномъ.
3. Сказанія о Винетѣ образовались вслѣдствіе ошибки Гельмольда или его переписчиковъ, неразобравшихъ слова: Jumneta. Ученые XVII вѣка развили эти сказанія до той формы, въ какой они дошли до насъ.
4. Первыя книги Саксона граматика не выдержатъ никакой исторической критики. Онъ безпрестанно переноситъ новыя отношенія въ глубокую древность. Важность приписанная Штуромъ этимъ книгамъ Саксоновой лѣтописи преувеличена.
5. Сказанія о подвигахъ Пальнатоки и Вильгельма Теля равно сомнительны.
6. Такъ называемыя народныя преданія не всегда образуются въ народѣ, но часто переходятъ къ нему изъ книгъ.
7. Въ основаніи историческихъ воззрѣній, которыя высказаны въ лѣтописяхъ средняго вѣка, лежитъ книга блаженнаго Августина: de civitate Dei. Это философія исторіи для того времени.

8. Нападенія Шлёцера и его школы на достовѣрность Скандинавскихъ Сагъ неосновательны. Отъ Саги, какъ отъ всякаго другаго разсказа, въ продолженіи многихъ лѣтъ, исключительно жившаго въ устахъ народа, нельзя требовать точности хронологической и географической, но событія вообще переданы въ ней вѣрно. Умышленныхъ искаженій почти не могло быть. Самыя пѣсни Скальдовъ составляютъ источникъ важный и правдивый.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано			*Читай*
стр.		строк.	
5	прим.	11 lib. 38	lib. IV. cap. 13
7		15 король	корень.
8	прим.	26 mir	mit
18	прим.	Prufsiam	Prussiam
	Ibid	convers	conversos
	ibid	sclidavit	solidavit
24	прим.	74 Кюссенхскимъ	Кюсснахскимъ
34		1 XIII	XVIII
35	прим	115 vusticia	justicia
37	прим.	127 Westplalen	Westphalen

Эта диссертація была защищаема
21 февраля 1845 г. въ Импера-
торскомъ Московскомъ Универ-
ситетѣ.-

